

Герхард Гауптман

**Заложница Карла
Великого**

Герхард Гауптман
Заложница Карла Великого

«Public Domain»

1908

Гауптман Г.

Заложница Карла Великого / Г. Гауптман — «Public Domain»,
1908

«Опочивальня Карла Великого в аахенском дворце. Час перед восходом солнца, в октябре. Карл сидит на кровати; слуги его одевают. Ему за шестьдесят лет, но он могучего сложения; держится прямо. Граф Рорико, не старше тридцати лет, красивый человек с благородной осанкой, стоит на некотором расстоянии, выжидая приказов короля...»

Содержание

Действие первое	6
Действие второе	14
Действие третье	21
Действие четвертое	30

Герхард Гауптман

Заложница Карла Великого

Пишут, что король Карл, которого франки называли Великим, и этим поставили рядом с Помпеем и Александром, возгорелся чрезмерно пламенной любовью к одной деве; она, как, по крайней мере, казалось ему, превосходила красотой всех других дев того времени в франкской земле. Король воспылал такой горячей страстью к ней, сделался так порочен, и душа его была так подкуплена её нежными ласками, что он забыл о своей славе и о чести, и отвратил свои мысли от правления государством.

(Итальянская новелла Себастьяна Эриццо, XVI века, переведенная на немецкий Полем Эристом)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КАРЛ ВЕЛИКИЙ.

ГРАФ РОРИКО, его приближенный,

ЭРКАМБАЛЬД, канцлер.

АЛЬКУИН, магистр.

БЕНИТ, саксонец.

ГЕРЗУИНДА, его племянница, заложница.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МОНАСТЫРЯ.

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА.

Придворные, монахини, слуги.

Действие первое

(Опочивальня Карла Великого в аахенском дворце. Час перед восходом солнца, в октябре. Карл сидит на кровати; слуги его одевают. Ему за шестьдесят лет, но он могучего сложения; держится прямо. Граф Рорико, не старше тридцати лет, красивый человек с благородной осанкой, стоит на некотором расстоянии, выжидая приказов короля)

КАРЛ. Новая сорочка! Какая белизна! Как ткань прохладна и тонка! В ней новым человеком стану. Но очень холодна она... Нет, подождите! Пусть не сейчас последняя – холодная – сорочка мне белым саваном покроет члены. Повремени, мой добрый друг. Пусть повисит еще в шкафу сорочка, милый друг. Оставь мне мое сердце с копытом дьявола. Я не хочу твоей ледяной сорочки... пугала застывшего, что встретит червя могильного с поклоном деревянным... Повремени – твой новый человек пусть подождет... Повязи ножные: одежда франков. Я франк – кто станет спорить? Я свободен – кто усомнится? Но все ж я пленник долга – иначе быть не может. Я властен – но власть мою бессилем доказать. Стяните мне хрому ногу! Где цирюльник? Скорей! Ну, а теперь, граф Рорико, – не медля за дела.

РОРИКО *(со смехом)*. Не началась еще работа, государь, и слуги королевские в волнении. Твой канцлер Эркамбальд сегодня поздно встал. Он рвет и мечет.

КАРЛ. Ему минутой дорожить бы, старому ослу, а он спит долго. Он жить не хочет, что ли? Так пусть ложится в гроб. Камзол подайте меховой!

(На него надевают камзол из порок)

РОРИКО. Он верно выпил лишнее вчера.

КАРЛ. Всегда так в жизни: он прославлял вино и жизнь, прославлял любовь – чтоб все проспять. Нет, нужно бодрствовать – зачем, я сам не знаю. Не стойте, выпучив глаза. Ходите, двигайтесь! Пусть хоть кажется, что не напрасно вы живете. И мне внушите – хоть обманно – что у меня есть нужные дела.

РОРИКО *(желая его чем-нибудь занять)*. Саксонец Беннит, государь, уж давно с прошением пристаёт к хранителю дверей. Он и сегодня тут – никак его нельзя отвадить.

КАРЛ. Позвать сюда упрямца!

(Граф Рорико приказывает одному из слуг, шестнадцатилетнему мальчику, позвать Беннита. Мальчик послушно удаляется.)

КАРЛ *(продолжая про себя)*. Опять саксонцы! Все то же неизменно. Что ж делать! Ведь тридцать лет и больше я тот же завтрак каждый день съедаю – все тот же от яйца до яблока. Так почему саксонцам не являться каждый день? Корову каждый день скребницей чистить нужно – но скучный это труд. Клонит меня ко сну, как за такой работой батрака, иль скотницу, доящую корову. Нарушить слово – вот что сверкнуло бы как молния на летнем небе. Нарушить слово!

(Он просовывает руку под подушку и вынимает восковые дощечки для писания)

Вот мои дощечки. Вписать бы это слово в воск, сияньем окружив.

(Он пишет на восковой дощечке, забывая все вокруг себя, видимо с большим трудом. Входит канцлер Эркамбальд и подходит к графу Рорико. Канцлеру около восьмидесяти лет; он с длинными кудрями, как король; значительное, фанатическое лицо с явными следами старческой слабости)

ЭРКАМБАЛЬД *(шепотом графу Рорико)*. Как он сегодня чувствует себя?

РОРИКО. «Хорошо» сказать – было б неправдой. Но «плохо» – тоже нет. Какой-то странный, тревожный дух в него вселился.

КАРЛ *(громко, говоря сам с собой)*. Эй, где ты голова? Квадривиум: свободных семь искусств... Тривиум: грамматика и диалектика... без музыки! Квадривиум и тривиум: запомни. *(Эркамбальду, точно он уж давно здесь)*. Послушай, вот загадка: с кем в жизни самый трудный бой вел король Карл? С кем? скажи...

ЭРКАМБАЛЬД. Конечно...

Карл. С кем?

ЭРКАМБАЛЬД. С саксонцами.

КАРЛ. Не верно. С самим собою – вот с кем! (*Продолжая затверживать*) Квадривиум: музыка. (*Поднимается, слегка охая*) Послушай, Рорико, не доживай до старости!

РОРИКО. Благословенна и желанна, государь, такая старость, как твоя.

КАРЛ. Тривиум – квадривиум. О, мудрость Соломона! Мне дано понять ее – не вам. За трапезой сегодня пусть капелян мне притчи Соломона почитает – о том, что суета все, суета сует; о том, что будет то, что было, что впредь все будет делаться, что делалось; что будут, как прежде, сеять хлеб, сажать растения и жатвы собирать; что будут воздвигать дворцы и разрушать; что будут земли населять и вновь в пустыни обращать; что будут ранить и раны исцелять; найдя сокровища, их снова утерять и вновь искать начнут, потом найдут – и снова то, что будет найдено, утратят. И впредь, как прежде, будут душиить, карать – и награждать и целовать!.. Целовать! ты слышишь, Рорико? Музыка – квадривиум: небесный звук среди земного гула – не так ли? Ну, довольно. Принеси мою печать с изображением Сераписа. (*Смеется*) Мир точно воск в моих руках: лепить я из него могу, что пожелаю.

(*Двое слуг вводят Беннита, саксонца геройского вида; у него угрюмое, выжидательное выражение лица. Карл, который ходит по комнате, сначала немного прихрамывая, круто останавливается перед ним и окликает его властным голосом*)

КАРЛ. Чего ты просишь?

БЕННИТ. Того, на что имею право.

КАРЛ. Ты вышел из народа, который с самого начала мира в оковах дьявольских лежит. Так говорит аббат из Фульды, Штурм.

БЕННИТ. Когда аббаты говорят, то сильный муж молчит в ответ.

КАРЛ. Ты говоришь о правде? Я для вас суровый властелин, – и только. А право – право вы утратили, по собственной вине.

БЕННИТ. Проведите к королю меня!

КАРЛ (*смотрит на него с изумлением, потом иронически улыбается*). Давай прощение! Удовольствуйся пока хоть мною.

ПЕРВЫЙ КАПЕЛЯН (*выступая вперед*). Этот человек – саксонец Беннит, сын Гидди; родич его Ассиг, сын Амалунга, недавно здесь, в Аквисграпуме, умер, без исповеди и причастия. Он нарушил клятву, нарушил мир совместно с Беннитом и всех земель за то лишился, которыми владел от Верры и до Фульды: лес Бохония, доставшийся в наследство ему и Бенниту, обратно отошел в казну.

КАРЛ. У них забрали наследственные земли?

ПЕРВЫЙ КАПЕЛЯН. Да, и по праву.

БЕННИТ. Лжет поп! Верны мы были королю. Мы отступились лишь от кропил-попов.

КАРЛ (*успокаивая окружающих движением руки*). Не мешайте. Пусть говорить!

БЕННИТ. Кто б ни был ты, спаси меня от клятвопреступленья! Помоги исполнить мой обет. Дай мне предстать пред королем. К нему мне укажи дорогу.

(*Несколько слугителей смеются*)

КАРЛ (*опять делает жест изумления; с возрастающим нетерпением*). Тебе нет далее пути. У цели ты.

БЕННИТ. О, Ассиг, брат любимый, теперь я понял всю правду слов твоих!.. Ты говорил, что легче чрез девять миль густого девственного леса без топора и без меча пробраться, чем предстать пред очи короля, отбившись от попов и королевских слуг при аахенском дворе.

КАРЛ. Вот как! Вы слышите? Король, как видно, стар становится. Говори свободно, сын мой. Вот за клятву клятва: когда тебя я слушаю, то слушает король; а не услышу я – и он не будет знать, о чем ты просишь.

БЕННИТ. Трем писцам, о господин, была б работа, когда б записывать такие обещания: столько раз я слышал их!

КАРЛ (*с возрастающим гневом, говорит властно и грозно*). Клятва за клятву! Клятва за клятву, говорю тебе! Используй-же свой час.

ЭРКАМБАЛЬД (*вполголоса Бенниту*). Да что с тобой? Который из сотни ваших идолов затмил тебе глаза, что короля не хочешь ты признать?

БЕННИТ (*узнав короля, глядит на него бледный и растерянный*).

ПЕРВЫЙ КАПЕЛЯН (*тоном доклада*). Итак, он просит, чтобы...

КАРЛ (*капеляну*). Молчи! (*Бенниту*) Скажи мне сам в чем дело?

БЕННИТ (*оправившись, твердо*). Герзуинда, дочь брата, Ассига, который умер здесь – в Аахене, всего лишившись, в бедности – была взята заложницей, как взяли у Ассига и у меня наследие отцов – по произволу, государь, – а не по праву. О дочери своей отец печалился – ты сам отец, и это понимаешь – гораздо больше, чем о наследьи отнятом и чем о тяжком нарушении права – гораздо больше! Дочь его в руках мучителей.

КАРЛ (*внимательно*). Герзуинда? Кто это Герзуинда? Я как будто слышал это имя. Продолжай. рассказывай все по порядку. Не падай духом! Ты говоришь – верно тебя ль я понял? – что Ассиг домогался здесь, в Аахене, восстановления прав, а также, чтобы дочь ему вернули. Ни прав, ни дочери возврата он не добился. Но право правом остается – все равно, терзают ли его или нет. Так будем говорить о дочери, томящейся в мученьях – а то ведь помощь может опоздать. Где она живет и кто мученьям подвергает дочь Ассигии?

ЭРКАМБАЛЬД (*вмешиваясь*). Два слова, господин, пред тем, как будешь продолжать расспросы: Герзуинда, дочь Ассиги, живет в монастыре на Плане. И если была бы правда, а не ложь, что мучают ее – то значит, мучители её – помилуй Господи! – благочестивые монахины. Кто знает сестер почтенных, поймет, как безразсуден, как бессмыслен такой навет. Нет! Герзуинда – ее я знаю сам – как бы сказать?.. дурного нрава, как я слышал от монахинь. Она... Ну то, что называют... Ну да, испорченный червивый плод... гнилой, червивый.

БЕННИТ. Старик этот седобородый, государь, над родом моим и брата Ассига глумится. Он может безнаказанно злословить: он твой канцлер – а мы саксонцы!

(*Карл стоит не двигаясь; все остальные в ужасе от дерзости Беннита и выражают это знаками*)

ЭРКАМБАЛЬД. Не я глумлюсь. Глумятся тут, но не из уст моих идет глумление. Я ж не только не злословлю, а многое еще прикрасил... Довольно нам ты уши Герзуиндой прожужжал и так; а к королю пробравшись, ты вновь теперь скрежещешь то же имя. Нам некогда возиться с Герзуиндой! У нас достаточно других забот! Она в руках надежных, и воспитанье должное дается ей. Оставь же нас в покое!

БЕННИТ. Вы это воспитанием зовете!

ЭРКАМБАЛЬД. Да, в благонравии ее воспитывают – как христианский велит закон.

БЕННИТ. Я не из робости стараюсь сдерживать свой гнев. Но знай: во мне вся кровь вскипела. Довольно! О рубцах на теле говорю я, а не о воспитаньи. О мучительстве, а не о благонравьи! Ты видишь, государь, я сдерживаю ярость; ты видишь, бешенству я волю не даю. Я кроток – есть на то причина. Я молчу, хоть прибежала ко мне племянница с кровоподтеками на обнаженном теле. По христианскому закону истерзали, замучили несчастного ребенка!

ЭРКАМБАЛЬД. Долг христиан – покорствоваться.

БЕННИТ. Кому дитя покорствоваться должно?

ЭРКАМБАЛЬД. Богу.

БЕННИТ. Богу! Не может Бог, ваш Бог хотеть... Не такой он Бог, чтоб заставлять ребенка с собачьей благодарностью в глаза глядеть, когда при нем глумятся над отцом и матерью! Нет, этого не может требовать ни франкский Бог, ни Бог саксонцев!

КАРЛ (*очень спокойно*). Боюсь, что сестры монастыря на Плане – при всем почтении к ним; напрасно ты головой качаешь, Эркамбальд – боюсь, я повторяю, что они, конечно, желая лишь добра, все ж иногда неверный избирают путь. Особенно...

ЭРКАМБАЛЬД (*невольно прерывая*). Но, государь.

КАРЛ (*продолжая внушительным тоном*). Особенно, я говорю, с заложницами поступают они не так как должно. они неосторожно касаются того, чего не следует, хотя не раз и я, и люди мудрые со мною вместе удерживали их. Глубоко ранена душа у тех, кого насильно оторвали от близких и родных, от алтарей их, скажем – идолов, хотя б и для того, чтоб приобщить их к лучшей жизни в Боге. Такие раны не скоро заживают – а монахини жестокосердно бередают их. Увещанья должны быть мягкими! Терпеливым и нежным воспитанье... бесполезны насилье и приказы. Нужно звать, манить сердца на путь спасенья, и потому...

ЭРКАМБАЛЬД (*не будучи в силах сдержаться*). Как собака, что возвращается к блевотине своей, так и отродье языческое ползет назад к своим бесовским идолам; палкой, кулаком и розгой путь преграждать им должно. И потому...

КАРЛ (*продолжая говорить с спокойным упорством*). И потому призвать сюда мне настоятельницу и ту, из-за которой он с жалобой пришел – заложницу!

(*В эту минуту являются, как бы по зову Карла, старая почтенная настоятельница монастыря; она ведет за руку Герзуинду; ее сопровождают еще несколько монахинь. Герзуинде около шестнадцати лет. её распущенные светлые волосы доходят почти до земли*)

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (*несколько запыхавшись от быстрой ходьбы; она спешила к королю, чтобы предупредить жалобы Беннита*). Государь, мы здесь!

КАРЛ (*пораженный видом Герзуинды*). Как?..

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Сестра Варвара прибежала, едва дыша, ее позвали в Палатинат... Она ночь провела у камерария... то есть, сказать хотела я, у дочери его, которая – Господь ей помощи! – лежит в горячке. Так вот, Варвара прибежала, чтобы сказать, что Беннит, упорно нас притесняющий уж много месяцев – нас бедных, беззащитных женщин! – теперь пробрался к трону твоему. Я тотчас же позвала Герзуинду. Она еще спала; да и теперь глаза у ней слипаются. «Бодрствуйте!» сказал Спаситель, – «ибо несть козням сатаны числа». Вот мы пришли к тебе, о, государь! Пришли, чтоб защититься от наветов.

(*Герзуинда, заметив Беннита, спешит к нему, бросается в его объятия и целует его, видимо радуясь свиданию*)

БЕННИТ (*королю*). Взгляни туда!

КАРЛ (*долго глядя с изумлением на Герзуинду*). Как, ты... Так это Герзуинда?

БЕННИТ. Да, государь.

КАРЛ (*тем же тоном*). Верно. Герзуиндой ты звалась. (*Обращаясь к настоятельнице*) Что все это значит? Герзуинда!

ГЕРЗУИНДА. Что, государь?

КАРЛ. Меня ведь знаешь ты. (*Герзуинда утвердительно качает головой и Карл продолжает*) Я расскажу тебе, что было, Рорико. Недавно, я разрешил себе короткий отдых, устав грамматику твердить. И для того, чтобы проверить усвоенные званья, я в монастырской школе вздумал на время стать учителем. Пришел всезнающим я в школу к ученицам. И вдруг... Печально из огня да в полымя попасть! Моя гордыня была посрамлена, Герзуинда знала многим больше, чем тогда я знал, чем знаю теперь и буду знать во веки. Не ослепи меня сиянье ярче, чем блеск серпов в день жатвы, чем блеск мечей в сраженьи, мной легко бы гнев и зависть овладели. Ну а теперь скажите: что произошло?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Она бежала! Свершила неслыханную дерзость, государь, и убежала – в награду за любовь, за терпеливые заботы наши, за мольбы о ней, что горячо мы возносили к небу ежечасно. За это все в отплату она бежала. Ты видишь, государь, стою я пред

тобой, ломая руки. Горе, которое она нам причинила, разбило сердце мне. Чем я это заслужила? Не слушала она, когда Спаситель звал ее – а первому призыву дьявола сейчас взяла.

КАРЛ. Успокойтесь! расскажите, как и почему она бежала?

(Настоятельница не может удержатъ рыданий которые мешают ей говорить; тогда первая сестра, монастырская ключница, выступает и говорит за нее)

СЕСТРА КЛЮЧНИЦА. Позвольте мне вам рассказать. Она спустилась ночью по стене, заросшей виноградом, на грядку мальв в саду – уж лучше умолчу, в какой одежде; двор пробежала, перелезла через забор, по стволу дерева вниз соскользнула. Ее увидел и окликнул сторож. Но она, оскалив зубы, как он говорит, так крикнула, как мышь летучая из преисподней. От страха он ее не задержал. Прости его Господь!

ЭРКАМБАЛЬД. Передайте без лишних слов то, что я вам сказал. Тут случай именно такой... Ведь сказано: обвестесь зеркалами, и василиск умрет, свое увидев отраженье. Верьте тому, что я сейчас скажу: жила на свете женщина одна и зачала в пятнадцать лет от Асмодея – а зачав ребенка, обрекла его отцу. Та женщина – мать Герзуинды. Взгляните на нее. Иль лучше, не глядите. В её глазах есть что-то, от чего тускнеет зеркало. Подумайте, за что наш государь, великий Карл, ее хвалил: за мудрость, за то, что не по-детски умна она. Испугала она его, властителя народов! Теперь вы образумились, мать настоятельница, но прежде были во власти её бесовских чар. От вас я знаю многое про дикий нрав её, в котором видна власть дьявола. Ведь мы уж тридцать лет с саксонцами воюем – так неужель предположить возможно, что праздны их злые боги, что денно и ночью не думают они о том, как сокрушить Господне царство и Его святую церковь?

БЕННИТ. Смотрите – похожа разве она на дьяволицу? О, государь, верни свободу ей! Коль соловья иль зяблика лишить свободы, конечно крыльями начнут они неистово о прутья клетки биться – чему тут удивляться? Так и она душой к своим, ко мне и к братьям рвется – ко всей родне далекой. Дудочки ей хочется по-прежнему срезать с бузинового куста, вдвоем с гусятником, иль мчатся, волосы по ветру распустив, на быстрой лошади чрез рытвины и камни, вдыхая вольный воздух. Вот, что ей любо! Приручайте, монахини, зверей, в плену рожденных. Они привыкли к рабству. А кто рожден свободным – тот не покорится!

КАРЛ *(поглядев твердо и пристально на Беннита и на Герзуинду, говорит Бенниту с полным спокойствием)*. Откажись от Герзуинды!

БЕННИТ *(пораженный)*. Что ты сказал?

КАРЛ *(спокойно, но с властной твердостью, не допускающей возражения)*. Герзуинда останется на вашем попечении, монахини почтенные. Но вы должны мне поручиться, что строже, чем до сих пор, за нею будете следить. Беннит оставит город. Ты, жалобщик, иль будешь за чертою Аахена до завтрашней зари, иль голову тебе отрубят меч палача. Что ж касается владений, о которых ты споришь тут с моими судьями, то обещаю строгий и правый суд тебе. Иди домой и мирно жди решения!

БЕННИТ. Прощай, племянница! Иди! Иди по доброй воле. Еще видны на нежной коже следы жестоких кулаков, недавно силой вырвавших тебя из рук моих. Ступай!.. бессилен я и всякую надежду потерял. Оставь меня! Сама неси, как можешь, свою судьбу. Помочь тебе не в силах я!

(Он отталкивает Герзуинду, которая с тихим плачем прижалась к нему, и быстро выбегает. Монахини окружают Герзуинду. По знаку Карла, Рориво быстро выводит женщин; вместе с ними уходит капелян и остальные слуги)

ЭРКАМБАЛЬД *(взяв восковую дощечку, висящую у пояса)*. Теперь, когда покончен ничтожный спор решением твердым мудрости испытанной твоей, о многом ином мне долг велит тебе напомнить. Много не свершенного еще решения ждет и дел. Во-первых, ты хотел на римлян ополчиться, чтоб прекратить позорный торг, чтоб больше христиан не продавали в

рабство сарацинам. Хотел ты также в Брюле побывать. И вот еще: из королевских ферм привезен сбор яблок. Ты хотел сам посмотреть и с фермерами потолковать. Из Штейгервальда...

КАРЛ. Довольно! Удержи все это в памяти. Потом напомнишь мне.

ЭРКАМБАЛЬД. Пипин, твой сын...

КАРЛ. Потом! Оставь меня теперь. *(Эркамбальд, изумленный, тихо отступает, едва заметно покачивая головой и удаляется; Карл, погруженный в раздумье, стоят несколько времени неподвижно у окна, затем говорит, повысив голос)* Рорико!

РОРИКО *(подходя к нему)*. Что, государь?

КАРЛ. Что я хотел сказать?.. Ах да, призвать хотел я дочерей... Иль нет, хочу вдвоем с тобой охотиться; потом пойдем в источнике горячем искупаться. День сегодня, как видно, будет пасмурный.

РОРИКО. Нет, государь. День солнечный и ясный.

КАРЛ *(задумчиво)*. Светла как месяц, и лицо святой! Ты раньше не видал ее?

РОРИКО. Я, государь?.. Нет...

КАРЛ. Где видел ты ее?

РОРИКО. Я?.. Право, мне трудно в точности сказать... И наконец, я ошибаюсь; может быть, я никогда ее не видел.

КАРЛ. Послушай, Рорико: когда мой взор, уже уставший – я слишком много глядел вот этими двумя глазами, что с юности и до сих пор без отдыха служили мне, и ночью, когда другие спали, а я свет снова зажигал... Что я хотел сказать? Ах да: когда мой взор встречает такую, как у этой девочки, головку, ему отрадно: он тает, молодеет, блуждая по светлой ниве, и сердце старое в груди мне молодит. Ты понимаешь это?

РОРИКО. Почти что понимаю, государь.

КАРЛ. Почти? Ну хорошо, с меня довольно, – пускай почти!.. Нет, Рорико, пойми меня вполне. Ведь для того тебя приблизил я к себе. Золото волос на голове ребенка... Сеть невинности из нитей золотых, тончайших... Не чудо ль это?

РОРИКО. Она прекрасна, – я не отрицаю. Но...

КАРЛ. Тот колпака дурацкого достоин, кто равнодушен, как вот канцлер Эркамбальд, при виде красоты и юности и, рот раскрыв, слюною брызжет, ругаясь и ворча! Ведь это, я думаю, хотел сказать ты? От подобной расслабленности старческой храни меня Господь! Что нового?

РОРИКО. Приходили ко мне старейшины евреев: они хотят построить синагогу, и Эркамбальд все медлит дать ответ о месте для постройки.

КАРЛ. Как поживает твоя красотка?

РОРИКО *(испуганно)*. Кто? Господи помилуй! Ни о какой красотке я не знаю.

КАРЛ. Ни о какой? Ты ничего не знаешь об Эсфири, ветрогон?

РОРИКО. Ах, вы о ней...

КАРЛ. Конечно.

РОРИКО. Когда она узнает, что милостиво вспомнил о ней великий государь – она от радости вся загорится.

КАРЛ. И тебе пожар тушить придется. Ах, Рорико! Когда б я мог стать снова молодым, я бы за это отдал – мои седины. Послушай! Я замыслил... попробуй угадать! Не о Гримуальде и не о Видукинде я думаю теперь, который, говорят, отраву сыплет в мои колодцы. Нет! Решил я...

РОРИКО. Устроить школу для детей еврейских?

КАРЛ. Не угадал. Вот в чем мое решение... Не думай, что мне непременно нужен молчаливый канцлер – я и с болтливым справлюсь. Но сегодня его мне видеть не охота. Тебе я порученье тайное даю – и вот какое: решение принял я вмешаться в жизнь Герзуинды. Мне жаль ее; она широкими глазами, с таким отчаяньем и так беспомощно на горькую глядит судьбу свою.

Пусть это прихоть – все равно: хочу я дать свободу ей. Хочу открыть ей клетку. Но я боюсь, чтоб коршун не налетел, когда голубка выпорхнет из клетки – и потому решил не открывать пока. Хочу поговорить я с глазу на глаз с нею. Теперь ты понял?

РОРИКО (*изумленно*). Да, государь.

КАРЛ. Так поспеши, пока я не раздумал.

РОРИКО. Прости – в чем порученье?

КАРЛ. Вот в чем: или и приведи сюда мне Герзуинду – одну. Будь только ты при ней – никто другой пусть не приходит. Сделай это без шума. как ты умеешь... Затем, едою подкрепившись и душу освежив, пойду я на охоту.

(Слуги приносят на серебряном столике завтрак Карлу; другие вносят воду для омовения рук в серебряном кувшине и серебряный таз. Капелян, не прежний, а другой, вносит фолиант, который ставит на пюпитр и открывает. Рорико уходит с поклоном. Ученик придворной школы, мальчик лет шестнадцати, становится возле Карла, держав руках дощечки для писания. Карл садится на кресло; ему пододвигают столик, льют воду на руки и капелян откашливается, намереваясь начать чтение)

КАРЛ (*делая знак рукою капеляну*). Нет, сегодня читать не будем Августина.

(Капелян удаляется, поклонившись. Король Карл садится за еду)

КАРЛ (*во время еды*). Ну что, скажи мне, мальчик: не трещал сегодня потолок, как прошлой ночью, по твоим словам? Что это значит? Ужели стены рушатся в дворце, не дожидаясь, чтобы сокрушил их датчанин Готфрид? Что шепчут прорицатели? Что сочтены дни короля? Конечно, сочтены – как ваши, как сочтен и волос каждый на глупой голове твоей. Запиши: король наш Карл, в теченье долгой жизни своей, раз десять становился старым и снова молодым. А умрет он, когда на то Господня воля будет – а не тогда, когда в дворце треск потолка слышат.

(Рорико вводит снова Герзуинду, разговаривая с ней. В противоположность своему первому появлению, она теперь по-детски оживленна и весела. Услышав голос Карла, она внимательно прислушивается)

КАРЛ (*слегка смущенный*). Вот это хорошо! Хвалю! Я вижу, ты пришла открыть мне одному – и даже Рорико, я думаю, тут лишний – твои желанья и тревоги, чтоб мы вдвоем решили, как к лучшему все изменить. *(По его знаку все, кроме Герзуинды, удаляются. Оставшись с нею наедине, он продолжает)* Говори без всякого стеснения, Герзуинда.

ГЕРЗУИНДА (*с серьезным, несколько выжидательным, лукавым выражением лица*). Хочу свободной быть!

КАРЛ. Ну да, ты хочешь... Тянет тебя на родину, в леса, где на стволах старинных буков висят еще изображения языческой богини Фрей, а не Марии, матери Господней. Вернуться к дяде дикарю ты хочешь...

ГЕРЗУИНДА. О, нет! Хочу я быть свободной и от дяди.

КАРЛ. Что? Ведь ты рыдала тут в его объятьях.

ГЕРЗУИНДА (*пожимая плечами*). Я плакала, чтоб он не огорчался. К тому же...

КАРЛ. Что: к тому же? Продолжай...

ГЕРЗУИНДА. К тому же, когда плачут старики, готова я рыдать... чтоб не расхохотаться.

КАРЛ (*отталкивая от себя столик*). Что ты сказала?

ГЕРЗУИНДА. Только правду. Больше ничего.

КАРЛ (*опять спокойным тоном*). Дитя... Но если вникнуть в то, что ты сказала – и как сказала... Отвернув лицо, чтобы не видеть, кто предо мной стоит, я слышу голос – совсем не детский. Повтори, чтоб понял я, чего ты хочешь.

ГЕРЗУИНДА (*взглянув на него значительно*). Я и молчать могу.

КАРЛ (*сначала изумленно, потом быстро*). Нет, говори. Открой мне душу, не робей.

ГЕРЗУИНДА (*очень непринужденно*). Я робости не знаю. Что случилось бы со мной, будь я пуглива? Что унесла бы из краткой жизни, во всем враждебной мне, которой завтра, может быть, конец наступит, когда б я знала страх?

КАРЛ. Ты знаешь, кто с тобою говорит?

ГЕРЗУИНДА. Конечно. Ты старик, я знаю – и жизнь твоя уж позади. А я – что в прошлом у меня? Почти что ничего. Что впереди? Быть может, тоже пустота. Ты сыт и потому меня понять не можешь.

КАРЛ. Откуда знаешь ты, что старикам неведом голод?

ГЕРЗУИНДА. О да, ты голоден, я вижу ясно. Вижу по твоим глазам. Больно от взглядов старика. В них светится мольба, как у собаки, которую прибили. Взгляд старика – взгляд утопающего.

КАРЛ (*с напускной веселостью*). Довольно! Лучшего пловца чем Карл нет на свете. И не родился тот, кто волны более широким взмахом рассекает, чем Карл. И шеи тоже ни пред кем еще король не гнул. Больно – я знаю – от взгляда короля, когда он гневно смотрит; но только потому, что взгляд его сверкает, как молния на потемневшем небе. Послушай. Скажи мне ясно и коротко: что сделать для тебя?

ГЕРЗУИНДА. Позволь мне жить, как я хочу.

КАРЛ. А как ты хочешь жить?

ГЕРЗУИНДА. Идти моим путем, чтобы никто не спрашивал меня, куда иду, чтоб никому я не была обязана сказать, откуда я пришла.

КАРЛ. Странное желанье для лет твоих, дитя. Ты сама не понимаешь, вижу я, чего ты просишь. Ты не знаешь, как много бед таится вокруг тебя. Не знаешь, что стоит бабочке, такой как ты, раз или два над лужей пролететь – особенно здесь, в Аахене, – и горихвостка, или синица сейчас ее поймает и проглотит. Я не хочу твоей гибели. Я добра тебе желаю, Герзуинда. Проси того, что будет благом для тебя.

ГЕРЗУИНДА. Я ничего другого не прошу.

КАРЛ. Хорошо. Исполню твою просьбу я. Но скажи – мне одному и никому другому – что ты с свободой сделаешь?

ГЕРЗУИНДА. Ничего. Я буду делать то, что мне приятно.

(Карл поднимается и ударяет кулаком о металлическую доску, висящую между колоннами. На этот звук является Рорики)

КАРЛ. Послушай, Рорики. Вот эта светловолосая упрямица свободна. Она пойдет куда захочет. Не заложница она, никто ее не опекает и не воспитывает в монастыре. Никто ее не держит. Куда бы ни пошла она, никто ей путь не преграждает – хотя б она стояла в двух шагах от пропасти слепая, никем не защищенная. Не первая она с небесной силой юности свершит глубокое паденье в ад.

(Он уходит, не оборачиваясь. Герзуинда смотрит ему вслед подобострастным взглядом, пока он не исчезает. Оставшись с нею наедине, Рорики подходит к ней и говорит твердо, почти сурово)

РОРИКО. Куда пойдешь?

ГЕРЗУИНДА (*страстным шепотом*). Возьми меня с собой, красавец!

РОРИКО (*сначала испуганно отступает, потом громким голосом*). Да, я возьму тебя как змейку желтую и защемлю раздвоенным сучком, чтоб не могла ни языком вертеть, ни жалить. Идем плутовка, демон! Уходи из дома короля.

(Он держит ее двумя пальцами за ворот платья и, отталкивая ее от себя, уходит)

Занавес.

Действие второе

(Поместье короля Карла в окрестностях Аахена. Открытая колоннада с дверью в дом из сада. Широкая ступени спускаются в сад; старые деревья покрыты осенней пожелтевшей листвой. На заднем плане освещенный солнцем скат, обросший виноградом. Ясное осеннее утро несколько дней после первого действия)

(Канцлер Эркамбальд ходит между колоннами, сильно возбужденный. Граф Рорико выходит из дома)

ЭРКАМБАЛЬД *(взволнованно)*. Ну что, граф Рорико?

РОРИКО. Напрасны все старанья, благородный канцлер.

ЭРКАМБАЛЬД. Не хочет меня принять? Опять не хочет? Дел скопилось целая гора, а он меня к себе не допускает. Я милости его лишился? Хорошо. Нет, – плохо, я хотел сказать. Но это изменить нельзя. Его доверия не обманул я, и на другие плечи с спокойной совестью могу взвалить я бремя. Кто-нибудь ведь должен его нести – не то весь мир в смятение придет. Что тут происходит? Скажи мне правду без утайки.

РОРИКО. Я ничего другого не могу сказать, как то, что нечего сказать мне. Король сюда почти бежал; он никого не хочет видеть, не хочет говорить ни с кем и сам почти ни слова не произносит. Ища уединенья, собак он гладит, приносит свежую траву оленим молодым и ловит ящериц. Когда ему недавно говорил я, что мир с узды сорвался, как лошадь дикая – он мне ответил: пусть убежит. Что за беда!

ЭРКАМБАЛЬД. Нет, граф, мне мало того, чем ты считаешь нужным мою тревогу успокоить... Не могу я этим удовольствоваться. Если ты мне друг и доказать желаешь дружбу, то скажи открыто: когда, в какую несчастную минуту, в беседе с королем разгневал я его?

РОРИКО. Быть может-тогда, когда заложницу...

ЭРКАМБАЛЬД. А, вот что! Заложница, ты говоришь? Заложница!.. Так помоги мне.

РОРИКО. Пустое это, благородный канцлер, совсем пустое. Тот, кто великих замыслов исполнен на малое не должен вниманья обращать. Но все же сказать тебе я должен: в душе великого вождя и повелителя, в главе, где большее таится за челом высоким, чем – прости! – у всех нас здесь... в главе державной Карла внедрилось это глубоко, и все застлало как сорная трава.

ЭРКАМБАЛЬД. Объясни точнее – ты разве думаешь..?

РОРИКО. О Герзуинде вспомни!

ЭРКАМБАЛЬД *(внезапно догадываясь)*. Я так и думал; накажи меня Господь! Но вот минута, когда ты можешь просветить меня, граф Рорико... Назвал ты имя Герзуинды. Что ж дальше?

РОРИКО. Да только то, что мысли короля всецело ею заняты.

ЭРКАМБАЛЬД. В каком же смысле мысли короля всецело ею заняты?

РОРИКО. Об этом ты спроси другого – кто мудрей меня. Спроси британского магистра – он в каждом смысле даст тебе ответ.

ЭРКАМБАЛЬД. Ты уклониться хочешь от ответа, граф? Но вот что ты наверное знать должен: скажи мне, почему заложнице саксонской, с которой так милостиво говорил король, собрать велели вещи и с узелком уйти? Почему не допустил король к себе монахинь, приходивших за нее просить? Почему король, с жестокостью, к которой я непричастен, прогнал ребенка беззащитного в глухую ночь?

РОРИКО. Властитель мира порой бывает милостив. И если отсюда он ее изгнал, отдав на растерзанье диким зверям, то этим лишь её исполнил волю. Но слышу я его шаги. Прости...

ЭРКАМБАЛЬД. Тот, кто на первом месте после короля стоит, с душой обремененной заботами страны и короля – как вор накрытый принужден бежать!

(Он поспешно уходит. Вскоре после того входит из тенистой аллеи сада король Карл, в деревенской одежде, с садовым ножом в руке. Он ходит выпрямившись, с гордой властной осанкой. У него вид укрывающегося благородного зверя. Узнав Рорико, он медленно приближается, не глядя на него. Рорико стоит в выжидательной позе)

КАРЛ *(подходя вплотную к Рорико и протягивая ему листья каштанового дерева)*. Ты любишь горький запах пожелтелых листьев?

РОРИКО. Люблю – но не тогда, когда первинки желтые в полях растут.

КАРЛ. Желторотый птенец!

РОРИКО. Ты мне даруешь этот титул, король Карл?

КАРЛ. Да, к другим в прибавку: повеса ты и ветрогон!

РОРИКО. И эти титулы, хотя не заслужил я их, – как и другие – охотно принимаю. Но более всего подходит первый мне за то, что я в лицо глядеть дерзаю господину мира.

КАРЛ. Почтительность не повредила бы тебе, мой сын – да и мне тоже. Но только не хочу чрезмерного благоговенья. Не то меня вы прикуете к трону, к короне голову мне припаяв. Не нужно меня молитвами упитывать, как идолов восточных. Не Бог я! Я создан Бога почитать, как всякий из подданных моих. Как всякий среди них, я устаю, бываю голоден, и пить хочу, когда приходит время. И грешен я, совсем как ты. Вот отгадай загадку! Что это такое: глаза откроешь – при тебе оно и вместе с тем не при тебе. Прогонишь – оно бежит, тебя же за собою увлекая. Поймать захочешь – в руки не дается. Хочешь отряхнуть – оно все глубже в душу проникает. Сжигаешь – тем сильнее жжет тебя оно. В море ледовитом захочешь утопит – но, глядь, и море закипает. Лед шестидесяти зим трещит и тает, испаряется от зноя. Нет, не загадка это, а болезнь, мой друг.

РОРИКО *(после долгого молчанья)*. От франков, столь много бедствий переживших, да отвратит Господь такое горе, тягчайшее из всех! Да сохранит Он твой дух и плоть твою на радость нам. Но долг повелевает мне призвать врача, хотя б и легким было недомогание твое. Вели, и Винтера, врача придворного, я позову...

КАРЛ. Чтоб о недуге говорить, ужели нужно больным быть самому? И даже будь я болен, – не тому, чье имя зиму означает, от этого недуга исцелить меня. Снег, опушивший голову мою, свидетель, что не зиме уврачевать мою горячку. Довольно говорить загадками. Что нового там, в Аахене?

РОРИКО. Не достает главы, и члены тела стали безголовы.

КАРЛ. Пускай попрыгают, дав отдых голове.

РОРИКО. Ждут посланные, говорят они. Приходят вести грозные из Дании, от короля. Забыв о пораженьи при Блейденфледе, опять он нападает – так говорят – на нас с огромным флотом. Канцлер умоляет принять его с докладом.

КАРЛ. Пускай хвастливый грозит датчанин – снимать тем временем я буду виноград поспевший, ни мало не тревожась. Грозил ведь также вождь аваров, что чрез меня перешагнет в доспехах. И многие другие грозили вместе с ним – и проползали меж ног моих потом, когда я расставлял их широко. Только стать на ноги мне нужно было, чтоб через них перешагнуть... Не радостно царить – не радость и победа! Не стоит и против слабых воевать и слабых защищать... Тебя прошу – о том заботься лишь, чтобы никто сквозь стражу не пробрался. А теперь скажи – потом тебя я отпущу; хочу один остаться – скажи, не помнишь ли, что случилось с той заложницей – ты знаешь – которую к себе я призывал дней пять иль шесть тому назад. Дочь она была строптивного саксонца. Она вернулась в монастырь?

РОРИКО *(после короткого колебания)*. Нет, государь.

КАРЛ. Не вернулась?

РОРИКО. Нет.

КАРЛ. Она пропала?

РОРИКО. В монастырь она не возвращалась.

КАРЛ. Все было сделано, как я велел?

РОРИКО. Твой приказ был в точности исполнен. Ей дали узелок, вложив туда вина и хлеба, а также золота, и много раз ей повторили, что ждут ее обратно, и потому не запирают ворот монастыря.

КАРЛ. Так значит, уходя – вот главное – она наверно знала, что в каждый час и дня и ночи её приходу будут рады чрезвычайно?

РОРИКО. Знала.

КАРЛ. И не вернулась?

РОРИКО. Нет.

КАРЛ. Прощай, безумная, мир праху твоему!.. Ах да, чтоб не забыть! Вели мне принести копье. Мы будем в цель метать. Мне тесен мой камзол и давит грудь. Ей нужен панцырь. Ты видишь, Рорико: рука моя тверда и силу прежнюю не потеряла. Есть на лице морщины, правда, но взор не потускнел. *(По знаку Рорико из кустов выходят охотники с копьями. Карл, взявши у одного из них копье, продолжает)* Дай мне копье, и в самую середину я попаду. В этом тебе не уступлю я... Вот только то, что льнут к тебе красотки юные – меня же навещает лишь призрак старости. Он ходит рядом и кашляет по-стариковски. Ночью приползает ко мне в постель, и холодно его прикосновение. Насмешливо грозит он в камень превратить меня, с ног начиная и все выше и выше. Ты слышишь, Рорико? Живого в камень превратить... Ну да что там! Не сможет призрак Карла устроить. Окаменела, правда, левая нога – но живо сердце, и правая рука жива. Умри, распутная старуха! *(С большой силой бросает копье)* Вот лозунг мой.

РОРИКО *(стоя у мишени, которую тем временем поставили, и в центре которой торчит копье Карла)*. Мастерски метнул. В самую середину копье вонзилось и славит, трепеща, искусного стрелка...

КАРЛ *(быстро)*. Она не умерла?

РОРИКО. Кто?

КАРЛ. Я знать хочу, не умерла ль святая?

РОРИКО. Святая?

КАРЛ. Та, о которой я говорю. Погубить ее внушил мне дьявол – затем, что разрушать великое блаженство.

РОРИКО. Жива она, мой повелитель.

КАРЛ. Она жива?

РОРИКО. Да. Но, увы, святой назвать ее нельзя.

КАРЛ. Мой Рорико, тут место, как будто созданное для школьников, как мы, сбежавших, чтоб на свободе позабавиться. Скажи, рассказывай: жива она? где, как она живет? Пришла в лохмотьях, растрепавшись? Пала духом?

РОРИКО. Едва ли.

КАРЛ. Повытряхни суму. Дай все, что есть. Ведь я твой гость, не заставляй меня просить. И спрашивать не заставляй. Легким и светлым облачком окутала мне душу радость. Теплый, благодатный дождь мне сердце освежил, и от него текут ручьи и нивы зеленеют; в кустах дрозды ликуют молодые. Она жива! Значенье, правда, небольшое такая жизнь имеет. Из года в год серпы моих жнецов срезают жатвы многим покрупней. Но в душе упрямой разверзлось небо от радости, что бьется сердце бедного ребенка и что ее не погубила моя жестокость.

РОРИКО. Позволь открыто говорить. Я вижу, что милость небывалую мой государь на небывало недостойную пролил... И потому открыт я должен правду. Герзуинда, заложница саксовская, которую безумной, правда, ветренной, но все ж невинной ты считаешь – она безумна, легкомысленна, конечно, но более того – преступна! Правда, никогда обмана власть подобную я не видал, а также столь лживого подобья чистоты. Подумать можно, что если хлеб причастья ей в чистые вложить уста, то расцветет он и сохранится в святилище нетлевым

тысячи годов. С чела её как будто струи очищения текут – и все ж её дыхание яд, погибель, ужас, государь!

КАРЛ. Подожди. Не сразу все, а постепенно, каждое отдельно Расскажи. Слишком новым, тернистым ты идешь путем. Замедли шаги твои. Если грешница она и бесом одержима, как убеждал нас канцлер, то чем, скажи, грешна она?.. Чтоб в этом ее мы покарали! В чем наибольший грех её?

РОРИКО. В чем? Возьми ты чистоту, настолько присущую её годам, что за нее ребенка нельзя хвалить. И тот порок возьми, что на могиле невинности живет, бесстыдно его утучнясь; их сравни – и будешь знать.

КАРЛ. Хорошо... Но ты откуда это знаешь?

РОРИКО. Почти во всем она сама призналась мне.

КАРЛ. Ай, ай, граф Рорико! Прошу прощенья...

РОРИКО. Пристыдить меня ты чем-то хочешь? Что должен я простить? Во многом из года в год я был виновен пред королем, и он прощал мне в милости великой. Но в этот раз я за собой вины не знаю. Она за мною побежала – говорю открыто – и ухватилась за меня, хотя сурово и оттолкнул ее. Она не отставала, а мною овладело – хотя я не святой – к ней омерзенье... большее, чем страх. Все в ней мне было непонятно, все чары казались порождением чуждой силы. Отвращенье наполнило мне душу – и не взял я того, что в руки мне давалось.

КАРЛ (*бледнея*). Взгляни мне, Рорико, в глаза!

РОРИКО (*безстрашно и открыто глядя ему в глаза*). Что, король Карл?

КАРЛ. Продолжай.

РОРИКО. Я признаю, что странно так поступать, как я, и все-ж... Приступом я брал и менее прекрасных дев. Я не святой, а также не труслив. Однако, хотя щадить тут было нечего и завоевывать лишь собственную шею приходилось, ее из рук сплетенных девушки освобождая, я оказался – что вовсе не почетно в подобных случаях – героем стойким.

КАРЛ. Что дальше?

РОРИКО. Вот что случилось с нею не дальше чем вчера. Ночью, ты знаешь, выпал иней, и утро все лежал, пока на солнце не растаял... Ну, словом, вечером вчера ее я снова подобрал – или, вернее, она меня подстерегла, окликнула и побежала за мною вслед до самой калитки сада, где с лошади сошел я.

КАРЛ. За лошадью твоей она бежала?

РОРИКО. Да. Три мили пробежала. она за мной. Я пустил галопом лошадь, и она летела вслед.

КАРЛ. Окрылены, что-ль, ноги у неё?

РОРИКО. Быстрее она бежит, чем зверь лесной, спасаясь от собак: ловка на редкость и легка как пух. Я сжалился над нею, наконец, и крикнул: – За кем ты мчишься? Ответ был: – За тобой! Опять ей крикнул я: – За дьяволом, а не за мною! – нет, за тобой! – За падалью ты, как собака, гонишься, ей крикнул я, сильней пришпорив лошадь. – Остановись, ты упадешь, опять сказал я. – Сердце не выдержит и разорвется. Передохни, не то умрешь ты, не покаившись в грехах.

КАРЛ. А что ж она в ответ?

РОРИКО. Пронзительно и дико захохотала. – Убирайся в свой монастырь! я крикнул в бешенстве – иль уползи обратно в аахенский притон, куда меня домчал мой конь, от страха ноздри раздувая, и где, на горе мне, тебя я подобрал!

КАРЛ. Не благородно с нею ты поступил.

РОРИКО. Не благородно, знаю – не только с нею, но и с собой. Все ж не хотел ее ударить и не решался оставить в поле. Все бешенство свое излив, я вспомнил притчу о добром самарянине, и, завернув ее в мой плащ, повез к себе домой. Старик привратник перекрестился, увидев нас: меня за поводья держащим лошадь, ее закутанной в седле.

КАРЛ. Куда же вы приехали?

РОРИКО. Сюда.

КАРЛ. Где остановились?

РОРИКО. У сенешаля старого, близ входа в сад.

КАРЛ. Так, значит, Герзуинда...

РОРИКО. Здесь, к сожалению: пока она на попеченьи сторожа, приставленного к виноградникам, и в домике живет его.

КАРЛ (*поднимается, долго смотрит в лицо Рорико и затем раздражается несколько искусственным смехом*). Так вот каким рассказом, Рорико, прикрыть ты захотел на редкость смелую, безумную проделку? Зачем так много слов? Ты мастер сети расставлять. И неужели я для того на волю птичку отпустил, чтобы стрела твоя попала ей в нежный пух? Боюсь, не хватит, безумный граф, на этот раз, терпенья моего и дочери моей Ротрауты. Она, ты знаешь, следит за благонравьем при дворе.

РОРИКО. Мне больно, что ты дурно судишь о своем слуге.

КАРЛ. А мне, что соблазнил ты девочку, и дерзко на нее ж клеветал. Довольно! В том, что случилось, я виновен. Но для того, чтобы не умножать вины, решил я зову внять Господню; орудием тебя избрал Он, чтоб снова ко мне приблизить Герзуинду. Хочу я снова повидать ее и снова попытаться, не сможет ли совет разумный, соединенный с властью, исправить то, что злого сотворила чрезмерная поспешность. Ты вздрогнул? Не знаешь разве, что милость короля не долговечна... Вот мой приказ: пусть, ничего не говоря ей, Герзуинду приведут сюда, чтоб погулять среди кустов и гряд. Затем, пусть все ее оставят, и я ее как бы случайно встречу.

(*Рорико удаляется с поклоном. Карл стоит задумавшись. Потом он оглядывается, чтоб убедиться, что он один, и замечает двух ратников, которые, стоя в отдалении, ждут его приказаний*)

КАРЛ. Унесите копья. (*Они вынимают копье Карла из мишени и уносят самую мишень*) Скажи, охотник, кто там над бузиной склонился у домика, в котором живет садовник?

1-ЫЙ ОХОТНИК. Девочка какая-то.

КАРЛ. Не внучка ли садовника?

1-ЫЙ ОХОТНИК. Быть может и она. Но нет; волосы черны как смоль у той – у этой золотые.

КАРЛ. Узнай, кто эта девушка. Иль нет – уйдите.

(*Охотники удаляются, слышен громкий смех Герзуинды. Король бледнеет, стоит не двигаясь и пристально смотрит в направлении, откуда появляется, наконец, Герзуинда; она, запыхавшись, гонится за бабочкой и подходит совсем близко к Карлу, не замечая его*)

КАРЛ. Куда бежишь?

ГЕРЗУИНДА (*слегка вскрикнув*). Я бабочек ловлю.

КАРЛ. А знаешь ты, на чьей земле?

ГЕРЗУИНДА. Хозяин здесь граф мэнский, Рорико.

КАРЛ. Ты думаешь, что здесь поместье графа Рорико?

ГЕРЗУИНДА. Не знаю право. Быть может, Ротрауте принадлежит оно. Мне все равно, она ль, дочь короля, или возлюбленный её здесь грядки полет и овощи растит. Навряд ли бабочкам капустным счет они ведут, иль мертвым головам. Никого не опечалит пропажа ящерицы маленькой.

(*Она в эту минуту словила ящерицу и видимо всецело ею поглощена*)

КАРЛ. Плохо пришлось тебе бы, Герзуинда, когда бы думал я как ты. Но обрати свой взгляд и на меня: сегодня в третий раз меня ты видишь. Подумай, вспомни! Я тот старик со взором утопающего, который тебе свободу дал. Ты видишь: дышит он, не утонул и снова на твоём пути стоит. Быть может, взгляд его сегодня не будет тягостен тебе; быть может, сильная рука теперь тебе нужнее, чем тогда – теперь, когда узнала ты свободу?

ГЕРЗУИНДА. Помолчи! Ты видишь, какую ящерицу я прелестную поймала!

КАРЛ. Вижу. Но слушай, Герзуинда: не привык стоящий пред тобою с глухими говорить, и не советую тебе глухую притворяться. Я пред тобой виновен. Прихоти послушный толкнул тебя я в пропасть, хотя и знал, что гибель и позор грозят тебе на дне, что копошатся гады там. Я тебя толкнул, и собственной рукою спасу тебя из глубины падения и горя. Ты поняла меня?

ГЕРЗУИНДА (*со смехом*). Колонной Ирмина клянусь, что нет.

КАРЛ. Какая дерзость! Языческое племя, к которому принадлежишь и ты с твоим безумьем, хотя обречено на мрак, все ж, чистоту блюда, одно лишь знает для тебя и всех тебе подобных: веревку! Когда себя не соблюдает дева, дают ей выбор: иль самое себя веревкой задушить, или чтоб женщины кнутами гнали ее по городу из дома в дом, пока, не вынеся позора, не умрет она.

ГЕРЗУИНДА. (*с некрасивой резкостью*). А сами тоже самое с мужьями делают, за что казнят других, волчицы злые! Им слаще кровь проливать, чем страстью любовной упиваться!

КАРЛ. Чьи слова ты повторяешь, Герзуинда?

ГЕРЗУИНДА (*удивленно*). На твоём ведь языке я говорю.

КАРЛ. Но мысли чьи?

ГЕРЗУИНДА. Кто мне сказал, что женщины собаки, и что они безмозглы? Это знает и самый глупый из мужчин.

КАРЛ. Кто ты, Герзуинда? Глаза мои ушам не верят, а уши глазам не могут доверять. Глаза мне говорят, что ты ребенок и рада будешь кукле. Но уши думают иное: женщина она, мне говорят они, – и тяжесть женской доли изведала она до дна. Скажи, поверить ли ушам, иль взору?

ГЕРЗУИНДА (*смеясь*). Подари мне куклку! Пожалуйста. Но все ж не думай, что молодых пятнадцать лет подобны дням пятнадцати слепых котят.

КАРЛ. Что ж предпринять? Я вижу, правда, что поступаешь ты не слепо и не ветренно; ты смело и с решимостью упорной идешь на зло. Прав, быть может, Эркамбальд. Быть может, правда, что в тебя вселился демон, и живет в дворце, слоновой костью изукрашенном и золотом, в дворце, что Герзуиндою зовется, изгнав оттуда Бога. Но, слушая тебя, не понимаю, почему в столь чистом и красивом доме не живет прекрасная душа, почему в нем зло и ужасы таятся?

ГЕРЗУИНДА. Странно. Вы все, мужчины, таковы. Всякий, кто брал меня, мне тоже говорил, что ты, – и обвинял меня за то, что я ему давала. (*Внезапно обвивая ему шею руками*) Не будь строптив, старик.

КАРЛ (*не двигаясь*). Будь я Рорико, граф Мэнский, я б оттолкнул тебя; но я король, я Карл – и следовать его примеру не могу.

ГЕРЗУИНДА (*стоя на подножьи статуи и все еще не снимая рук с шеи Карла*). Вы все напрасно тратите так много слов! Молчите, и с благодарностью, без слов, берите то, что вам дают.

КАРЛ. Молчи, дитя греха, прижитое святой, во сне сатиром оскверненной! Уйди. Уйди из жалости! Стынет разум, бледнеет власти сила перед тобой, перед улыбкой тонких уст. Что мне мешает пальцами, вот так, нажать на шею белую – чтобы не стало твоей недоброй силы, саламандра, и чтоб в моих руках осталась чистая и благостная плоть, не искаженная душой бесовской?

(*В страстной борьбе с самим собой отталкивает в изнеможении Гераунду*)

ГЕРЗУИНДА. Ай, ай! мне больно!

(*Отвернув от неё лицо, Карл тяжело переводит дыхание, стараясь успокоиться. Герзуинда отходит от него, следит за ним исподлобья и трет руки. Вскоре Карл снова начинает*)

КАРЛ. Когда бесплодны наставленья, приходится прибегнуть к власти, – отеческой, но непреклонной. Не постигнет кара тебя, – тебе я волю словом королевским дал все, хотя б и

самое бесстыдное, свершать. Но не было согласия моего зло над тобой творить другим: будет теперь работа сыщикам моим, и будет палачам кого на воздух вздернуть! Скорее назови мне имена. Скорей! Вот грифель; вот дощечки из воска свежего. Напиши скорее имена гуляк распутных, дерзнувших под сенью моих соборов палатинских бесстыдно согрешить с тобой. Скажи мне, Герзуинда, имена, и я их твердою рукою в воск впишу, и к каждому прибавлю: смерть, смерть, смерть!

ГЕРЗУИНДА (*вне себя, но твердо, несмотря на свой ужас*). Нет, не сделаешь ты этого. Нет! Не сделаешь. Не назову тебе я никого, кто исполнял мою лишь волю.

КАРЛ. Так имя Рорико впишу я, графа Мэнского.

ГЕРЗУИНДА (*спокойно*). Впиши его. Жалеть не стану, когда слепой удар сразит слепого.

КАРЛ. Ну, хорошо. Когда спущу я свору, сама она сумеет дичь выследить. Если не хочешь всех назвать, то назови мне одного, кто был тебе дороже всех.

ГЕРЗУИНДА. Зачем? Чтоб на кресте его ты распял?

КАРЛ. С тобою повенчать – ужель такое наказание?

ГЕРЗУИНДА (*быстро, испуганно*). Нет, не хочу я вместо всех лишь одного!

КАРЛ (*с облегчением*). Ну, значит, ты не знаешь, Герзуинда, ни многих, ни даже одного. Теперь впервые на месте кажется мне легкий пушок твой на висках. Наконец рассеялись слегка туманы злые с бедной твоей души, (*все более величественно и отечески*). Не проник еще ко мне твой взор из глубины. Еще душа твоя едва проснулась, и в полусвете ты ощупись идешь. Пусть воссияет свободно луч грядущей юности твоей во всей красе и ясности; тогда, в прозрачном сиянии утреннем, весна твоя распустится. Имей терпенье, Герзуинда. Кто ждать не хочет, пока на виноградной лозе нальются грозди, тот кислое вино лишь вкусит. Поверь мне, ты сама не знаешь кто ты – кто я: я ж знаю и тебя и самого себя. Знаю, и все-ж – подумай только! – все-ж руку помощи не отвращаю от тебя. Ты спросишь, почему? Магистр Алькуин считает муравьев достойными раздумья долгого и бережно несет их на соломинке издавек домой. Вот так и я. Страшусь я, что ли? Страшны мне муравьи? Ногой ступал я на целые селенья муравьев. Всех родичей твоих, весь твой народ осилил я. Так не спастись ж бегством мне от тебя. Послушай, Герзуинда: считай своим поместьем это. Здесь, в саду, ты, от земли оторванная, снова корни пустишь. Здесь медленно расти ты будешь, здесь расцветешь, созреешь на попеченьи у садовников искусных. Здесь, под защитой стен твоих, живи привольно. Будь госпожей; прислужницы тебя в убранства пышные оденут, носить ты будешь золото. И всякое веселье по твоему приказу здесь устроят. Одно лишь...

ГЕРЗУИНДА (*поспешно*). Должна я как цветок любимый короля в гряде стоять недвижно?

КАРЛ. Ты знаешь разве цветок любимый короля?

ГЕРЗУИНДА. Конечно. Ребенком лет семи сама сажала я с благоговеньем мальвы короля.

КАРЛ (*все более благородным, чисто отеческим тоном*). Теперь благоговенье чуждо твоей душе. Не будь оно так чуждо, ты почитала бы с благоговеньем – самую себя, согнала бы позор с царицы неба, отраженной в тебе как в зеркале. И трепетно б хранила чистый лик небесной матери от грешных рук и от прикосновенья нечестивых. В этом доме, Герзуинда, кипят горячие источники; из плоти грешной извлекают они отраву и очищают кровь. И здесь, в груди моей, горячий родился источник. Струи любви отцовской текут во мне неудержимо. Торопись. Очисти душу от грехов, омой все пятна, Хотя покрыта ты была б теперь грехами, все ж будет день, когда тебе скажу я – покорствуй только чистой воле моей, скажу: – пойди и покажись священникам. В тот день предстанешь светлой ты пред миром, подобно безгрешному небесному цветку, подобно лилии в руках Марии.

(*Он кладет правую руку на голову Герзуинды; она целует его опущенную левую руку*)

Занавес.

Действие третье

(Снова в поместьи короля вблизи Аахена; покой внутри дома с колоннами под куполом; стены и купол украшены византийской мозаикой; пол из цветного мрамора; открытые и закрытые двери ведут во внутрь дома; одна дверь ведет в сад, магистр Алькуин и граф Рорико поднимаются по нескольким ступенькам на колоннаду из покоя, расположенного ниже. Магистр Алькуин, высокий старик с благородной осанкой, у него вид ученого и в то же время поэта и светского человека; он в длинной священнической одежде)

РОРИКО. До сюда – и не дальше могу я довести тебя. По знаку ж первому, который даст привратник, я должен буду, господин магистр, удалить тебя из дома и из сада – хотя бы даже короля и не успел ты повидать.

АЛЬКУИН. Как? Даже если призван я посланием собственноручным короля?

РОРИКО. Ты призван королем?

АЛЬКУИН. Конечно, граф. Не то сидел бы мирно я за книгами моими и, чуждый любопытства, не стал бы слухам я внимать, поверь – как не внимал и до сих пор. *(Слегка насмешливо)* Что тут у вас за тайны? Зачем могучий Карл в засаде спрятался? Опасен путь сюда по узеньким дорожкам, через трясины, кольцом замкнувшие ваш островок и этот дом. Говорят, усилился разбой на всех дорогах, и потому наш Геркулес беде помочь бы должен был и шкуру львиную надеть на плечи, а не сидеть у прялки... Не знаю для чего.

РОРИКО. Тут, в подземельи замка, горячий бьет источник – ключ юности, как называет его король. Для пользования водами приехал Карл.

АЛЬКУИН. Ключ юности? Что этим словом называет он?

РОРИКО. Как что? источники горячие.

АЛЬКУИН. Ну да, конечно. Я понял, милый граф, – и знаю хорошо я патриарха нашего. К тому же, видел я, как пастухи – не пастыри народа, а пастухи ягнят – свои от старости похолодевшие и коченеющие ноги купали, чтоб согреть, во внутренностях молодых ягнят. И Зевс, верховный пастырь и всех богов и всех людей, от холода порой дрожал, хоть вечной молодостью одарен был. Боялся он состариться и – как ни странно – почувствовал себя опять он юным в образе быка. И я в спине стал холод ощущать. Ключ юности!.. Но если в прок идет лечение первейшему из всех людей... Пусть выберет он, наш Зевс земной, любую из своих овечек... Хотел сказать я, пусть купается в каких желает водах.

РОРИКО. Тебя призвал король – и потому садись, почтеннейший магистр. Призвал он также для доклада и Эркамбальда, канцлера. Я вижу в этом знак хороший. Иначе... врача не достает, чтоб правильно вести лечение. Я не смею ничего сказать – и не могу, и не хочу. Не в силах я понять его могучий дух и направлять его. При взгляде на него, я только – повинуюсь. Но не помолодел на вид он от купаний. Сам посмотри. Я слышу на террасе шаги его.

(Он быстро отходит вглубь. Алькуин еще раз оглядывает свою одежду и становится направо; чернокожий слуга открывает извне садовую дверь и пропускает мимо себя Карла. Король несколько бледнее чем прежде, взгляд его менее спокойный и твердый. Он выступает из полосы дневного света, которые бросает длинную тень, замечает Алькуина и вглядывается в него, держа руку вид глазами)

КАРЛ. Не могу еще я различить, кто ты.

АЛЬКУИН. А я сейчас признал того, кого не мог бы мы признать – Давида.

КАРЛ. Флакк – это ты!

АЛЬКУИН. Да, я слабый Флакк, который в руки попался воинов твоих суровых. Они, в лесу рассыпавшись, стоят на страже Цезаря, как будто в стане вражеском живет он. К счастью, пощадили они меня.

КАРЛ. Для человека и для всех людей то место – стан врагов, где человек живет и люди! *(Хлопает в ладоши)* Садись! По знаку калифа Гаруна-аль-Рашида из ничего блаженство рая возникает. Я ж магии не знаю. Я грубый франк и предложить могу я только вино любимое твое; к вину ж вареного и жареного. Вот все, чем после трудного пути ты можешь подкрепиться в жилище бедном поселянина.

АЛЬКУИН *(смеясь)*. Я скромн – большего не требую.

(Двое сарацинских слуг в пестрых тюрбанах появляются и с низким поклоном Карлу целуют землю)

АЛЬКУИН *(взглянув на слуг, шутливо)*. И с бедностью Давида я мирюсь.

КАРЛ. Гасан, хотим мы есть как боги.

(Слуги, которые поднялись, снова падают ниц, целуют землю, потом встают и уходят)

АЛЬКУИН. А все ж ты маг – как вижу!

КАРЛ. Увы – не маг я! От калифа Гаруна-аль-Рашида четырех я получил еще других рабов в подарок – совсем таких как эти; а также – как знаешь ты и должен знать, невольниц темнокожих такое же число. Совсем забыв о них вначале, теперь сюда я вздумал их призвать – и лишь тогда подарок оценил калифа. Они купанье так приготавливают, так в простыни укутывают, так тело разомнут, не дожидаясь приказаний, что ими нахвалиться я не могу. Ты думаешь изнежить могут рабы угодливые? Нет: изнеженный, таким уже родился. У меня нет этого в крови – не сделаюсь изнеженным я никогда, мой Флакк. Теперь узнай, зачем тебя призвал я. Ты родился в Нортумбрии, и ты саксонской крови?

АЛЬКУИН. Да, король Давид.

КАРЛ. Так скоро ты услышишь и увидишь в моем доме нечто тебе сродни. Об этом, впрочем, потом поговорим. Теперь мне нужен не саксонец – а брат по разуму и по значенью мне равный. Ты, Флакк, таков. Владеешь ты мечом духовным, что на земле Господь оставил. Его ты поднял – как поднял я меч светский. Ты Петр для меня – гораздо более чем римский Петр – меча хранитель и ключей. В божественном Господь тобой руководит, и в человеческом не менее того от Бога и только от Него твои сужденья. Вот почему я человека в тебе приветствую, который понимает, а не судит, который хочет жизнь прославить, а не умертвить. Когда б отбросить я хотел то, что душою овладело, как дядя мой Пиппин, ушедший в монастырь, то мне нужна была бы только пустая келья – я не искал бы друга. Ты мой друг и предан мне, мой Флакк. Послушай: приключилось со мною чудо. Люди говорят, быть может... Не знаю, что люди говорят, но чувствую, как будто из земли в меня вливаются по тысяче каналам, как в молодое дерево, живые соки. Смешно это, быть может, и странной кажется насмешкой над собственным моим рассудком деревенским и над законами календаря крестьянского. Давно уж высохший, годами отмеченный ствол, отдавший соки растениям чужездным, на нем живущим, опорой им служащий, чтобы по-прежнему тянуться прямо к солнцу они могли, хотя он сам уж мертвый... Вот этот старый ствол вдруг ожил! В листочках шум поднялся: Как! Старый Карл, масляное дерево засохшее, вновь жить задумал! – и не для нас... шипят... а для себя! Ну да. Быть может, стыдиться следует пред вами Карлу, лишнему на свете старику, в том, что он жив еще. Но хочет жить он – это правда.

АЛЬКУИН. Государь! Давид великий в братстве вашем рыцарском! Оно, семью дарами пламеня святого духа и высясь надо всем земным, тебя собою окружает как драгоценный камень оправа золотая... Что мы без тебя? Ты плугом владеешь так же как мечем и так же хорошо писать умеешь. На свет ты вызываешь живущее в земле, а мирно на ней живущих питаешь ты и охраняешь. Чтя небо, ты сеятель Христовой жатвы. Дитя лепечет имя Карла, еще не зная имени отца. Карл – не простое слово, а силы великой знак. Повздорят ли между собой соседи – произнеси лишь слово Карл – и распря кончена. Воюют ли народы – Карл! скажи – и восстановлен мир. Царит ли мир – раздастся слово Карл! и потемнеет небо, задрожит земля, и слово Карл! звучит угрозой тишине, войну обозначая. Вот в Византии император – кумир

народа; произнеси лишь слово Карл! – и любовь к нему развеется как прах по ветру. Кто ж дерзнул бы наставником стать Карла и возвеличиться над ним?

КАРЛ. Власти ничьей я над собою не боюсь. Я слишком грубый франк – чтоб справиться со мною. Когда я здесь стою, в кольчуге и щитом вооруженный, едва ль копье чье либо в тело мне проникнет – едва ли даже кожу мне заденет. Но иногда я обнажаю душу, доверчиво покровы сняв... и уязвим тогда суровый Карл в том, что он нежного в душе таит. *(Сарацинские слуги вносят накрытый стол и устанавливают его; другие держат золотые тазы и кувшины для омовения)* Я был здесь одинок. Садись к столу! *(Он и Алькуин садятся у стола; им льют воду на руки)* Мне мило и желанно одиночество, но все ж не доставало мне друга одного. *(Он поднимает кубок и пьет, чокаясь с Алькуином; наступает короткая пауза, затем Карл снова говорит)* Желаете? Я могу приятное составить за трапезой нам общество.

АЛЬКУИН *(с изысканной любезностью)*. Когда Горация зовешь к себе Анакреон, то жду я многих наслаждений: вина и песен и – сверх того, красотку.

КАРЛ. Хвалю, язычник старый! Но постарайся решеткой плотной сердце оградить.

(Он ударяет о металлическую доску, которую держит в руках один из слуг; едва затихает звук, как прибегает Герзуинда и подходит к сидящим за столом; она в легком фантастическом одеянии, волосы распущены)

ГЕРЗУИНДА *(удивленно смотрит на сидящих за столом)*. Едите вы? Зачем?

КАРЛ. Зачем? Не должен разве человек питаться?

ГЕРЗУИНДА. Противно мне глядеть, как люди пищу принимают!

КАРЛ. Люди? Какие же мы люди?

ГЕРЗУИНДА. А разве вы большее чем все?

АЛЬКУИН. Про одного из нас *(указывая на Карла)* неверно судишь ты.

КАРЛ. Все для неё мужчины только люди – и к сожаленью, все люди для вся мужчины.

ГЕРЗУИНДА. Что ж большее они? Я не люблю людей.

АЛЬКУИН. За исключением, надеюсь, короля? За исключением, надеюсь, Карла, любимого и чтимого всем миром.

КАРЛ. Нет исключений для неё, клянусь! Будь птицей я, умею красиво петь, тогда другое дело... или котенком еще слепым мяукал бы, тогда, быть может, на любовь надеяться я мог и на вниманье нежное!

ГЕРЗУИНДА *(оглядывая стол с желаньем полакомиться)*. А для меня нет ничего у вас?

КАРЛ *(предлагая ей кубок)*. Вот вино.

ГЕРЗУИНДА. Нет. Противно!

(Отталкивает кубок)

КАРЛ. Водой она питается, на апельсиновых настоенной цветах, и – самое большое – настоем лепестков от розы, замороженным в снегу. Напиток этот ей готовят темнокожие. Мы для неё откармливаем также ангорских коз. Пьет как младенец козье молоко она.

АЛЬКУИН. Амброзией и нектаром питаешь ты юность чистую свою? Богам Олимпа хочешь быть подобной. И, точно, ты как будто не земная.

КАРЛ. Нет, плоть её земная.

ГЕРЗУИНДА. Конечно. Почитайте меня за что хотите – только не за святую. Мне все милей, чем святость. Я пью и ем и делаю все то, чего хочу сама, а не другие. За то пусть и другие, как и я, свои желанья исполняют, а не чужия.

КАРЛ. А если захотят другие от тебя... того, что справедливо и хорошо?

ГЕРЗУИНДА. То я, конечно, не покорюсь.

КАРЛ. Мой мудрый Флакк, попробуй, поможет ли твой долгий опыт и знание, прилежно скопленное, и мудрость, обретенная тобою, ненасытным в работе и в исканьи света... Попробуй, помогут ли свободных семь искусств, которыми владеешь ты, хотя б настолько, чтобы не

быть беспомощным как школьник перед ребенком Герзуиндой? Мне беспомощность мою она давно уж показала.

АЛЬКУИН. Что может сделать Флакк, когда сам Август, хотя он лаврами увенчан Геркулеса, себя бессильным почитает. Но все же готов я попытаться.

КАРЛ. Поговори с ней. Пусть скажет, например, тебе: что называет она грехом?

ГЕРЗУИНДА. Греха нет!

КАРЛ. Ну, а стыдливость? Спроси ее об этом.

АЛЬКУИН. Скажи мне, дева, что стыдливостью ты называешь?

ГЕРЗУИНДА (*смеется про себя, потом смело*). Я не веду свой род от вашей Евы и вашего Адама. Прапрародители мои с запретной яблони плодов не ели – и я не знаю, в чем добро, в чем зло.

АЛЬКУИН. Так, значит, не богоподобна ты в познании добра и зла!.. и все же из рая изгнана. Как же туда вернешься ты?

ГЕРЗУИНДА. Заботься только о себе, старик! На что нужна стыдливость? По-вашему стыдиться тела я должна – и потому гордиться только одеждою, руками сшитой. Ужели шерсть, ткань шелковичного червя, волокна льна прекраснее меня, прекрасней того, чем я дышу, чем вижу, слышу и ощущаю вкус? Когда тяжелой поступью проходят дочери твои, подобно башням из золота, из драгоценных камней – я драгоценных украшений не люблю – то неужели сами они не лучше, чем их золото и камни? Не создал разве Бог нагим мне тело? Но вам дороже платье? Скажите, я готова снять его и вам оставить взамен себя!

КАРЛ. Стой! Стой! Она способна, друг мой, это сделать.

(*Герзуинда уже собиралась скинуть одежду*)

Что скажешь ты, магистр?

АЛЬКУИН. Я поражен и слов не нахожу.

ГЕРЗУИНДА (*сбросив длинное прозрачное покрывало, в которое она задрапировалась*). Не спросите ль еще мой легкий плащ? Быть может, его ответ вам будет больше по душе, чем мой. (*Бросает плащ на пол и со смехом убегает*)

КАРЛ. Герзуинда!

(*Она исчезла и не возвращается на зов*)

Убежала! Скажи, приятен смех её тебе?

АЛЬКУИН. Однажды я подсмотрел в Ютландии, как приносили жертвы они богам своим. То было в страшную глухую ночь. Как легионы демонов из преисподней, шипел костер в лесу. Привели они лисицу с длинной гривой, двухлетнюю – не более. На закланье ее вели, и шла она, хвост волоча. Вблизи засады, из которой мы глядели, стоял недвижно голый жрец, держа на привязи лисицу обреченную. Разгорелся жертвенный костер; когда ж её коснулось пламя, лисица ноздри подняла и зарычала. Не могу я передать тот звук. В нем слышался и дикий смех, и точно плач.

КАРЛ. Ты верно понял, Флакк. Смех Герзуинды к печали ближе, чем к радости; он скрытым ужасом объят... Но что же ты не ешь, не пьешь, мой Алькуин?

АЛЬКУИН. Благодарю! Уж более шестидесяти лет я ем и пью, уверенный, что этим зла не совершаю никакого. Теперь впервые одолело сомнение меня. Я думаю, не лучше ль было бы поститься? И многое другое в моих мыслях словами вызвала она своими и существом своим.

КАРЛ. Вот видишь! Этого я и хотел, мой Флакк. Не мало переловил зверей я разных, и луком и силками, как ты знаешь – но никогда такой не попадался мне. Вот почему о нем забочусь и дорожу им. Конечно, не зверь она, и потому моя задача не укротителя. Мой долг почти отцовский. Отцом благочестивым я о душе её пекусь. Мне радостно – я это не скрываю – на этот раз единою душою управлять, а не народом целым, как всегда, и так же, как я иногда пустыни в земли превращал цветущие, так семена добра хотел бы я посеять здесь и возрастить.

АЛЬКУИН. Ну, а она свое не сеет?

КАРЛ. Конечно, сеет. Борьба за душу опасней многим, чем бой с мечем в руках. Не дремлет враг добра, враг Господа, тот, кто пустыни сушит и посылает всепожирающее пламя даже в рай. Я это знаю, и все ж мне бой с ним радостен; хочу я одолеть врага. К тому же, сам виновен я...

АЛЬКУИН. Ты, государь, разбил и покорил саксонцев, гуннов, лангобардов, аваров и баварцев... Разбил норманнов, басков. Кто б ни противился тебе, тобой был побежден. Но всякая победа легка в сравнении с той, которую теперь ты хочешь одержать державной волей.

КАРЛ. Не доверяешь моей силе?

АЛЬКУИН. Не подобает мне сомневаться. Но все же Карл останется самим собой, когда б он даже на этот раз разбит был.

КАРЛ (*поднимается, с мрачным видом*). Ты полагаешь, что из одной лохани я стану есть с собаками паршивыми?

АЛЬКУИН (*испуганно*). Срази меня небесный гром, когда такая мысль могла б мне б голову прийти?

КАРЛ. Ну, хорошо. Оставь!

(*Карл ходит несколько раз по комнате взад и вперед, вспышка гнева улеглась, снова входит Рорико*)

Что, Рорико?

РОРИКО. Тут канцлер Эркамбальд.

КАРЛ. Не спешно это. Может подождать старик безмозглый!

РОРИКО. Он следует за мной.

КАРЛ (*Алькуину*). Ну, так тебя я попрошу – так как прервали нашу трапезу – избавь себя от встречи с ворчуном.

(*Он снимает кольцо с пальца и дает его Алькуину*)

Позабавь пока свой ум. Вот тебе кольцо – игрушка, не более того. Распадается оно на семь колечек. Из семи составь опять одно. И вот что помни, когда ты засмеешься: то, из-за чего смеешься, такая же игрушка для меня, как эта. Такая же – не меньше, правда, но и не больше.

(*Входит Эркамбальд. Последние слова произнесены при нем. Алькуин кланяется Карлу и уходит в сад. Рорико тоже уходит. Карл медленно шагает взад и вперед по комнате, потом останавливается и смотрит вопросительно на Эркамбальда*)

ЭРКАМБАЛЬД. Пришел я, повинуюсь приказу твоему.

КАРЛ. Пришел ты... по чьему приказу?... почему пришел?

ЭРКАМБАЛЬД (*очень бледный*). Я говорю, что призван я тобой.

КАРЛ. Ах, да. Что с тем саксовцем-Беннитом – так, кажется, зовут его? Вернули, наконец, ему несправедливо отнятые земли?

ЭРКАМБАЛЬД (*мрачно*). Нет!

КАРЛ. Почему?

ЭРКАМБАЛЬД. Вторичное дознание подтвердило его и Ассига вину. Вот протокол дознания – а вот решение суда. Печати только не достает.

КАРЛ. Покажи!

(*Берет бумагу и разрывает ее*)

Вот так! Вы вздумали наперекор мне поступать?

ЭРКАМБАЛЬД. Что, ж ты приказываешь?

КАРЛ. Ничего.

ЭРКАМБАЛЬД. Прости. Вот это и печалит всех верных подданных твоих.

КАРЛ. Печалит вас, что не даю я приказаний? А сами делать вы не можете, что должно. Творите правое без приказаний. Ужель я должен неустанно, пока язык не онемее, указы отдавать? Попробуйте, раскрыв широко рты ленивые, кричать без передышки: вот это сделать

так, вот это этак! И вот еще! И это! Покричите так не жизнь целую, а только год – тогда поймете, что мог устать и я. Что ж приказать я должен? Говори!

ЭРКАМБАЛЬД. бесчисленные письма ждут ответа.

КАРЛ. От кого? Сначала скажи о самых важных. Назови мне имена.

ЭРКАМБАЛЬД. Вот письмо от сына твоего держанного, Людовика, из Аквитании, вот от Петра из Пизы. Вот от Штурма, аббата фульдского письмо, вот письма епископов, из Кельна, Майнца, Реймса, из Страсбурга. От Гильдигерна из Базеля. Из Безансона от Рихвина и множество других. Из Рима также письма важные пришли.

КАРЛ. Почему наплыв такой вдруг писем?

ЭРКАМБАЛЬД. Прочти и сам поймешь.

КАРЛ. Передай что пишут.

ЭРКАМБАЛЬД. Остановилась жизнь в государстве, и застой в делах важнейших к последствиям привел тяжелым, государь. К тому же странный, очень странный слух распространился по всей стране, проникнув и к врагам, к Альфонсу галицийскому и к нашему союзнику в Астурию. Он хотя ему не верит, но в письме своем упоминает о том, что слышал.

КАРЛ. Ну, так оставь. Что дальше?

ЭРКАМБАЛЬД. Вот это, государь, письмо случайно в руки мне попало. Оно от сына твоего, Пиппина, и вызвано тем слухом темным. Об этом сын твой пишет герцогу Гельмеру, которого ты милостями осыпал.

КАРЛ. Покажи!

ЭРКАМБАЛЬД. Раскрывает письмо коварный заговор и, к сожаленью, видно, что принц не отстранился от него – хотя и странно это.

КАРЛ (*прочтя письмо*). Сын потаскушки! Шут презренный! Безмозглый негодяй! Ты пишешь о грязной твари, которая забрала в руки хромого, расслабленного короля, и за нос его водит. И это говоришь ты, Пиппин, которого я прижил от служанки, ко мне в палатку прибежавшей, которого, когда родился он, из яслей я вынул как Спасителя, а не втоптал, как нужно было, в грязь. и вот теперь горбатый хочет хромого на земь повалить! Из-за такого вздора напрасно ты трудился приезжать. (*После короткого молчания, спокойно*) Пусть где угодно сор подметают эти господа – усердствуя, пока метлы не обломают... где угодно, но не здесь, не у моих дверей! Не то я сам метлою замахнусь на них, а сила у меня такая же, как прежде. Герзуинда благородной крови, и я решил ей дать супруга. Быть может, выберу я молодого Фридугиса, назначив его ландграфом куда-нибудь в Саксонию. Он юноша способный.

ЭРКАМБАЛЬД (*невольно вскрикнув*). Помилуй Бог! Не делай этого!

КАРЛ. Чего?

ЭРКАМБАЛЬД. На Герзуинде не предлагай ему жениться.

КАРЛ. Почему?

ЭРКАМБАЛЬД. Да потому, что он убьет себя, когда узнает о том, что ты задумал.

КАРЛ. Убьет себя?

ЭРКАМБАЛЬД. Да, государь.

КАРЛ. От милостей моих он в бегство обратится? И предпочтет он душу дьяволу предать?

ЭРКАМБАЛЬД. Да, государь.

КАРЛ. Ответ короткий дополняешь ты видом хмурым. Ужель нет ни одной графини, или маркграфини, которая в слепом угаре юности не совершила б ничего столь грешного и даже худшего, чем Герзуинда? К тому ж теперь, наветам пищи не давая, живет уединенно и целомудренно она.

ЭРКАМБАЛЬД. «Уединенно, целомудренно»! Нет, не могу молчать! Но как начать? Маркграфиня, хотя бы наиболее из всех в дни юности грешившая – такие случаи бывали, –

нет в этом столь неслыханного, как то, в чем согрешила Герзуинда – и страшен долг мой в этот час! Я часто был судьей, но не был ни разу палачем. Мне страшно. Я от ужаса дрожу.

КАРЛ. Но силен я – и не дрожу. Скорей! Есть у тебя, что нужно придушить? – схвати сейчас за горло!

ЭРКАМБАЛЬД (*плача, почти крича*). Прикажи молчать мне, король Карл!

КАРЛ. Теперь, когда я жду ответа, ты слов связать не можешь!

ЭРКАМБАЛЬД. Да истребит Господь всех, кто тебя обманет!

КАРЛ. Нет, милосерден Бог и этого не сделает. Он с Ноем заключил союз и обещал, чтоб не было вторичного потопа.

ЭРКАМБАЛЬД. Потоп уж близок... близок! Дрожат колени, государь... Вели молчать.

КАРЛ. То, от чего дрожит мой канцлер, меня не свалит с ног!

ЭРКАМБАЛЬД. Горе! Позор! Разврат и преступленья!

КАРЛ. Конечно, есть все это и всегда бывало.

ЭРКАМБАЛЬД. Но никогда так близко от твоего престола.

КАРЛ. Ясно говори!

ЭРКАМБАЛЬД. Никогда так пурпур королевский не пятнало...

КАРЛ. Еще яснее говори!

ЭРКАМБАЛЬД. Никто, от женщины рожденный, тебя позором таким не окружал.

КАРЛ. Как кто?

ЭРКАМБАЛЬД. Как Герзуинда, заложница саксонская.

КАРЛ. Докажи!

ЭРКАМБАЛЬД. Не рад доказывать я, верь мне. Господь свидетель...

КАРЛ. Как, только Он?

ЭРКАМБАЛЬД. Вот что произошло вчерашней ночью... вот что случилось в грязном кабаке, там, у реки... Я, Эркамбальд, твой канцлер, тайком туда пробрался, в одежде грубой, в виду того, что слухи разлились потопом и к мятежу народ наш возбуждали. Надеюсь я ничего не видеть – и слишком много увидел. Трусливой и беззубой была молва. Герзуинда... Она стояла там, стояла нагая предо мной... Лишь волосы потоком огненным струились с плеч и покрывали ее густым плащом. Лился поток и расступался; тихо напевая, она приплясывала в такт, и тело обнаженное то открывалось взорам, то исчезало под волнами волос. Вокруг сидели за стаканами простые рыбаки, мастеровые из Санкт-Марии, каменщики, рабочие, которые сюда везли тот памятник Теодориха из Равенны, который ты все не желаешь осмотреть. Все они неистово ревели и громко называли ее любовницею короля. Она же подымала в пляске по очереди каждое колено нежное. И вдруг, призывом порожденный бледных уст её поднялся дикий, бесовский вихрь – и я с трудом противиться потоку страсти мог. Передохнуть дозволю!

КАРЛ. Дыши!

ЭРКАМБАЛЬД. Да. Правда то, что я сказал. Ты – король Карл. Тот, кто пред тобою – Эркамбальд. Я не безумен. Я правду говорю. Вот что случилось: дай припомнить. Словом: вдруг, среди нас царь преисподней очутился. Закружилась голова и у меня. Ее, вакханку бешеную, стащили со стола; схватил ее один, потом другой, потом все вместе бросились... Раздался дикий топот, дыхание прерывистое. Проклятья сотрясали воздух. Герзуинду вдруг на пол повалили, и пряди рыжая волос вокруг мужицких обвертели кулаков. Они ее толкали... Потушен был огонь, и я не видел, что с нею делали они, пока она не очутилась, наконец, в углу безжизненная, с неузнаваемым лицом.

КАРЛ. Ты утверждаешь не шутя, что все это случилось... с кем? не с пленницею ведь, которая живет здесь, в моем доме?

ЭРКАМБАЛЬД. Да, случилось это с той, что в доме у тебя живет.

КАРЛ. А ты... смотрел на все и не вмешался?

ЭРКАМБАЛЬД. Я был оглушен... Я не вмешался – да и не мог я сделать ничего. Когда могила вдруг разверзлась – я среди тьмы и тишины был как в могиле; когда очнулся я – она лежала и казалась холодным неподвижным трупом.

КАРЛ. Ну, а теперь она жива, спокойно дышит, не мертва и, значит, в рассказе не достает твоем чего-то. Довольно вздор болтать! Говори мне лучше о делах! О корабельных мастерах, в которых я нуждаюсь, обо всем, за что ты хлеб и плату получаешь и носишь канцлерское платье, а не о том, о чем болтают кумушки в палатинате. Эй, Рорико! Ты ж уходи. Рорико! *(Рорико появляется. Эркамбальд отходит)* Эй, стража! Где вы, негодяи? Нет, что ли, стражи у меня. Собаки! Спите, что ли? Одно и знаете, что спать иль объедаться. Собаки негодные! Есть стража у меня иль нет? Иль спите вы, на страже стоя? Конечно, лжет он. Привести сюда саксонскую заложницу!

РОРИКО. Она заснула, государь!

КАРЛ. Заснула?

РОРИКО. Так говорит служанка. Она хотела сама нарезать виноград в саду; но едва лишь за работу принялась, как тотчас же заснула.

КАРЛЬ. Заснула в винограднике? И что же? Там осталась спать?

РОРИКО. Нет. В опочивальню ее перенесли, и спит она в постели.

КАРЛ. Так вытащить ее из-под перин и привести сюда! *(Рорико уходит. Карл, оставшись один, говорит, почти обезумев)* Камни! Щит подать! Затмился воздух! Мрак вокруг! На голову мне камни градом сыплются! Ах, негодяи! Сколько ж рук у вас? Попал и этот камень! И этот! Забросать меня камнями хотите? *(Он держится, чтобы не упасть. Входит Гернунда, испуганная, но сохраняя самообладание. Она умно и зорко глядит на короля, который, с железным упорством держась на ногах, смотрит Гернунде в глаза. Наконец с его уст срывается)* Он лжет!

ГЕРЗУИВДА. Конечно. Кто на меня клеветает – лжет.

КАРЛ. Распутница! Ты говоришь? Кто говорить тебе велел и этими словами и звуком голоса себя же выдать беспощадно?

ГЕРЗУИНДА. Я выдала себя?

КАРЛ *(к Рорико)*. Входную залу запри на ключ! *(Рорико удаляется, чтобы исполнить приказание)* Ну, а теперь оправдывайся.

ГЕРЗУИНДА. В чем? Я разве худшее что либо совершила, чем то, в чем часто сознавалась?

КАРЛ. Да, говорят. И если ты не сможешь от гнусных всех очиститься наветов, не сможешь себя омыть от грязи, с собою вместе и меня очистив – то я сам сотру тебя с лица земли, как мерзкое пятно!

ГЕРЗУИНДА *(легкомысленно и капризно)*. Зачем? Я исповедоваться не люблю.

КАРЛ. Стража!

ГЕРЗУИНДА *(с отчаяньем озирается, как травленный зверь, ища помощи. Она не видит возможности спастись, и ею овладевает смертельный ужас. Она бросается к Карлу и горячо целует ему руки, плечо и платье)*. Оставь мне жизнь, король Карл! Сжался! Я жить хочу!

КАРЛ *(отталкивая ее)*. Тварь презренная!

ГЕРНУИНДА *(с мольбой)*. Оставь мне жизнь! Оставь мне жизнь! В цепи закуй меня железные. Пускай никто отныне – кроме тебя – меня не видит! Никто как ты отныне меня пусть не коснется. Никто как ты, отец прекрасный, наложишь цепи на меня! И только ты их снимешь, мощный херувим! Никто как ты! Никто как ты! Ты мой бог!

КАРЛ. Нет, все это сделает другой, не я...

ГЕРНУИНДА. Кто?

КАРЛ. Другой – вот все. Но прежде чем его я позову – а он всегда готов... зови его отцом и херувимом, и богом – как захочешь. Он все это более чем я. Но прежде чем позову его, – того, который оковы разбивает, а также новые кует, сознайся, в чем ты провинилась.

ГЕРЗУИНДА. Ты отдашь приказ меня убить?

КАРЛ (*твердо*). Да.

ГЕРЗУИНДА (*другим тоном. Дерзко*). За что, скажи, я умереть должна?

КАРЛ. Теперь ты, наконец, решила отрицать? Теперь? Нет, слишком поздно! Сначала отрицать, потом признаться – так бывает. Но нельзя с признанья начинать, распутница, и отрицать потом! Как сторожей ты обманула?

ГЕРЗУИНДА. Кто говорит, что сторожей я обманула?

КАРЛ. Я.

ГЕРЗУИНДА. Зачем мне было сторожей обманывать? Слуг позови. Пускай придут. Спроси их.

КАРЛ. Так ты негодную своей монетой подкупила их, презренная?

ГЕРЗУИНДА (*в бешенстве*). Зачем презренную к себе ты взял? Зачем меня, презренную, ты не оставил там, где я лежала, а поднял? Я не просила. Не жаловалась я и не кричала. Тебя я не звала... Не падала к твоим ногам и не молила меня поднять из праха. А ты схватил меня и от себя не отпускал. Зачем, когда меня ты ни во что считаешь и надо мной смеешься? когда меня ты не желаешь никогда? Я не хочу сносить насмешек. Мне нестерпим твой взор, всегда с укором, с обвиненьем глядящий на меня – и с ужасом, едва прикрытым. Не хочу твоей я клетки, твоей темницы! Не хочу быть в ней отрезанной от жизни, от бога – от моей святыни, от страсти жгучей. Я пламенеть должна, иль я остыну навеки!

КАРЛ (*угрюмо*). А у меня ты коченеешь... и теперь умрешь. Нетерпелива ты!

ГЕРЗУИНДА. Да, кто медлит и лишь словами мне отвечает, тот меня не любит. Кто медлит – тот жаждою меня томит. А тот, кто голодом меня терзает, тот муку тягчайшую готовит мне: одинокой и нелюбимой делает меня, чужой и страхом одержимой! Меня кошмаром давит боязнь, что меня покинут. Кто медлит меня к груди прижать – тот подпускает все отнимающую смерть ко мне!

КАРЛ (*смотрит несколько времени молча, на тяжело дышащую Герзуинду, потом медленно говорит:*) Ты убедила и гнев рассеяла мой, Герзуинда! Довольно той смерти, которой умерла ты в доме Карла. Второй не нужно мне, чтобы с тобой покончить. Без зова смерть придет, как ты сама сказала – когда захочет. Ну, а теперь иди! (*Герзуинда не двигается с места*) Тебя вернут в твою отчизну, к богу твоему – к чудовищам, что за богов ты считаешь. Валяйся там в грязи – и обо мне забудь навеки! (*Он отвернулся от неё, она по-прежнему стоит неподвижно*) Ты все еще стоишь? Так хлыст...

ГЕРЗУИНДА. Ударь меня!

КАРЛ. Я не палач. (*Кричит в сад*) Флакк, иди сюда! (*Он хлопает в ладоши. Являются чернокожие слуги*) Уберите скорее со стола. И выметите дом, чтоб было всюду чисто! Принесите нам лучшего вина и яства лучшие. (*Алькуин выходит из сада*) Флакк, друг мой, теперь с двойною радостью приветствую тебя! Иным стал воздух, грудь свободно дышит. Нет больше подле нас нечистых духов. Дыханье тлена не будет портит чистый аромат вина. Скорее, Рико! Коней и кречетов! Но раньше мы попируем и наполним здоровой пищей, как косари, желудки франков. Затем мы, с Божьей помощью, поедem на охоту.

АЛЬКУИН. Вот твое кольцо, король Давид: не мог я части в целое сложить.

КАРЛ (*взяв кольцо*). Тебе игрушка надоела? (*Презрительно бросает кольцо, которое подкатывается к ногам Герзуинды*) Мне тоже!

ГЕРЗУИНДА (*быстро поднимает кольцо и прячет его*) Пока жива, я не отдам его! (*Быстро убегает*)

Занавес.

Действие четвертое

(Монастырь на Планае: своды, лестницы, переходы, открытая галерея. Прошло около недели после третьего действия. Около полудня. Герзуинда, полулежа в кресле, со следами тяжелой болезни на лице. Сестра управительница сидит подле неё и одевает куклу; большую поместили так, что на все падает теплый свет осеннего солнца из открытой галереи)

СЕСТРА УПРАВ. От кого твое кольцо?

ГЕРЗУИНДА. Сказала я: от матери.

СЕСТРА УПРАВ. Хорошо, что им ты дорожишь.

ГЕРЗУИНДА. Да, я им дорожу.

СЕСТРА УПРАВ. Вижу, вижу!

ГЕРЗУИНДА. Вот здесь его я прячу – у сердца.

СЕСТРА УПРАВ. И все-ж ты говоришь, что матери своей не знала?

ГЕРЗУИНДА. А ты поверила, что мать кольцо дала мне?

СЕСТРА УПРАВ. Конечно. Ты сказала; как же мне не верить?

ГЕРЗУИНДА. Я и неправду порою говорю.

СЕСТРА УПРАВ. Так ты солгала?

ГЕРЗУИНДА. Да, сестра.

СЕСТРА УПРАВ. От кого же у тебя кольцо?

ГЕРЗУИНДА. Его мне он дал.

СЕСТРА УПРАВ. Кто?

ГЕРЗУИНДА. Король Карл.

СЕСТРА УПРАВ. Которому так дурно за доброту ты отплатила?

ГЕРЗУИНДА. А ты опять поверила?.. Какая ты легковерная, сестра!

СЕСТРА УПРАВ. Стыдно, Герзуинда!

ГЕРЗУИНДА. Ну, разве был бы дорог мне подарок короля? Не бросила б я разве его колечко?

СЕСТРА УПРАВ. Нет! Ценить подарок короля должна ты, и никогда не разлучаться с ним.

ГЕРЗУИНДА. Ишь ведь, что выдумала! Какая же ты умница! Дай куклу мне, сестра.

СЕСТРА УПРАВ. Нет, подожди. Скажи сначала, где и когда озноб и страх ты вдруг почувствовала? И по какой причине?

ГЕРЗУИНДА. Какое всем вам дело до меня?

СЕСТРА УПРАВ. Ну и строптивая ты, право! Сама подумай: зачем и настоятельница, и врач тебя спрашивают, желая знать, когда впервые от страха сердце сжалось у тебя, когда почувствовала ужас, о котором ты говорила нам? Для того, конечно, чтобы понять твою болезнь и тем скорее вылечить тебя.

ГЕРЗУИНДА. Я хочу... т. е. хотела...

СЕСТРА УПРАВ. Что хотела?

ГЕРЗУИНДА. Хотела зло вам причинить.

СЕСТРА УПРАВ. Приходится поверить – ежечасно об этом ты твердишь. Но кто тебе зло причинил? Вот что скажи мне. Кто дал в ту пагубную ночь тебе питье зловредное?

ГЕРЗУИНДА. Был он с длинными и белыми кудрями – совсем как король Карл. И выпила его питье я – потому, что был он как король.

СЕСТРА УПРАВ. Что-ж это было за питье?

ГЕРЗУИНДА. Кажется вино – наверное не знаю. Противно было мне оно!

СЕСТРА УПРАВ. Где же это было?

ГЕРЗУИНДА. Все ты спрашиваешь: где, когда и кто? Не знаю!

СЕСТРА УПРАВ. Я женщина как ты – и можешь говорить со мной открыто. Скажи: ты согласилась выпить противное питье лишь потому, что дал его тебе на короля похожий человек. Так почему ж ты оттолкнула кубок, тебе протянутый рукою Карла самого, наполненный любовью и благословением?

ГЕРЗУИНДА. Дай куклу мне, сестра! Не слышишь, что ли?

СЕСТРА УПРАВ. Ну, а когда ты проглотила, сжалившись над стариком, питье, которое тебе он дал?

ГЕРЗУИНДА. То лучшим от этого не сделалось оно. Такое же противное осталось.

СЕСТРА УПРАВ. Озноб почувствовала ты?

ГЕРЗУИНДА. Да, стало холодно.

СЕСТРА УПРАВ. А если встретила б ты старика того, узнала ли б его ты, Герзуинда?

ГЕРЗУИНДА (*решительно*). Нет!

СЕСТРА УПРАВ. Забыла ты его лицо?

ГЕРЗУИНДА. Я вижу его перед собою неустанно.

СЕСТРА УПРАВ. И все-ж не хочешь его назвать, признать не хочешь, когда он явится – хотя из-за него ты заболела и так слаба. Несчастья твоего ведь он причина.

ГЕРЗУИНДА. Я не несчастна! Будь я несчастна – повторяю, неправда это! – тогда, конечно, его назвала б я. Согрей мне руки! Согрей меня!

(*Тревожно глядя ей в лицо, сестра закутывает ей руки толстым платком. Тихо входит настоятельница, за нею Рорико, не снявший верхнюю одежду, в которой пришел с улицы*)

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Нельзя, граф Рорико. Сам на нее взгляни. Вот видишь – беспомощна она и, как младенец, нуждается в уходе. Не выдержит она и день в пути.

РОРИКО. И все же нужно увезти ее. Не терпит время, мать почтенная. Я слишком смело и самовольно поступил. В то утро злополучное, когда свершилась её судьба, когда великий Карл, прихотью пресытившись, хватившей на краткий день осенний, выбросил ее как мошку мертвую – в то утро, правда, иначе я поступить не мог, как поступил.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. И ты был прав, граф Рорико, что вспомнил о королевском слове, на бумаге закрепленном, что мы храним в монастыре. Ты поступил, как рыцарь благородный, когда привел обратно заблудшую овечку к нам. Простится властелину, когда забудет свое он слово – слишком много забот великих у него. Может и ребенок забыть про обещанье, данное ему: забывчивы и пользы своей не знают дети. Но если тот, кому опека над ребенком вверена, забудет – достоин он Господней кары.

РОРИКО. Как гласит бумага, которую храните вы?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. В ней обязует нас король кров и защиту ей предоставлять до самой смерти.

РОРИКО. Считал я тоже, что место ей в монастыре. Но Карл изгнал ее из Аахена.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Кого тут изгонять? Смотрите на нее: страданий горсточка, едва заметная; метлой неумолимой ее сегодня-завтра правительница наша смерть за двери выметет. Останется лишь золотая прядь волос, которую, быть может, король снял с головы у ней – и больше ничего. (*Плача*) Ужель её страданий мало, чтоб искупить вину? Должна я тайну тебе вверить, граф Рорико. Ей дали выпить яду – нет сомненья. О, люди! О, мужчины! Вам мало похитить нежные плоды в саду, что открывает в неведеньи своем дитя. Породы волчьей вы и задушить потом хотите жертву. Мы безразсудны, и не узнаем в мужчине волка, не видим в улылке лицемерной врага злорадный смех.

РОРИКО. Мать любвеобильная! О, если б Герзуинда не отстраняла никогда руки, которую благоговейно я подношу к устам. Но все же и Герзуинда не без вины, а главное, виновной считает ее Карл. Сегодня утром он вернулся в аахенский дворец. Он сильно изменился. На лбу его морщины пролегли – и без испуга на них взглянуть нельзя. Он мрачно хмурит брови и только вдруг их подымает, освобождая взор, чтоб с беспощадной угрозой поразить им. И если

Карл узнает, что Герзуинда скрыта здесь, в монастыре, а не отправлена на родину далекую, то всем грозит опасность.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Я исполняю свой долг и не боюсь.

РОРИКО. Страхитесь Карла! Послушайте совета моего. Сегодня к ночи я приготовлю лошадей и двух людей надежных, чтоб увезли они дитя к её родным. Но, может быть, уже мы пропустили время – и сейчас, при нас, её больную схватят палачи, и тут же растерзают. В народе слух уже распространился, что в городе она, и рыщет чернь всюду, чтобы найти её и забросать камнями.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Ей предстоит один лишь путь – последний, граф Рорико. Однажды её уж взяли у меня – однажды отняли заложницу, которую Господь заботам нашим поручил. Какой её вы увели? Какой она ко мне вернулась? Сегодня воля высшая зовет её – и небу я сохраню её. Колдуньей называет её толпа – а друг детей, Спаситель, ребёнком назовет её. Но как, скажи, твой страх согласовать с тем, что сказал мне наш духовник: скорбит король, он говорит, и кротостью полна его душа. Поверить если словам духовника – то обливается король слезами.

РОРИКО. Господь помилуй франков, когда в слезах король! Когда льет слезы Карл, то дела его быстрее слов и раньше исполнен приговор, чем он произнесен. Без грома, немая молния все пожирает жадно. Однажды, при Вердене, заплакал Карл, и вздулись от крови человеческой ручки. И снова плачет Карл теперь. Рыдает ночью Карл – а на площадке за церковью святой Марии, что строится – плоды видны горючих слез его. Замедлилась постройка храма в честь Господа, и много рабочих наилучших, справляя праздник в будни, свернувши шею и черный высунув язык, на воздухе качаются.

ГЕРЗУИНДА (*просьтаясь*). Сестра!

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Что, дитя?

ГЕРЗУИНДА. Тут говорят, я слышу.

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Да, граф Рорико и настоятельница тут.

ГЕРЗУИНДА. А защитит меня король от старика?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Какого старика?

ГЕРЗУИНДА. Вот от того, который там стоит, меня колдуньей называет и дьяволицей злой.

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Это она про канцлера почтенного, про Эркамбальда говорит. Терзает её воспоминанье об утре злополучном, когда нас обвинил язычник Беннит, её дядя – и мы явились с нею к королю.

ГЕРЗУИНДА. А тот, кто говорил, – ведь это Рорико, сестра, любимец короля?

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Да, здесь граф Рорико. Открой глаза – и ты его увидишь.

ГЕРЗУИНДА (*с закрытыми глазами*). Его я вижу ясно пред собой. Красив он – но не так, как Карл – далеко не так. Карл – бог, а мы все – люди.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (*обращаясь к Рорико*). Поверите-ль: короля так тяжело оскорбив, все ж почитает как святого она его.

РОРИКО. Творец один лишь может понять её.

ГЕРЗУИНДА. Не хочу глотать противное питье! Брр!.. Гадко! Пусть он уйдет...

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Ей дали яд, поверьте. В ту ночь, в трущобе, куда влекла её власть сатаны, какой-то неведомый старик ей дал в вине отраву выпить.

РОРИКО. Поверить трудно, что она, столь нежная и хрупкая, такое страшное проклятье с собою принесла на свет! Вот она лежит – такая слабая. О, слабость! Нет щита против неё. Все время была она одна и опиралась на собственную слабость; больше ни на что – как опирается на мощь свою король. И вот теперь она – как он – окружена врагами. Ненависть и злоба грозят ей отовсюду. (*Быстро входит Эркамбальд*)

ЭРКАМБАЛЬД. Ты здесь, граф Рорико?

ГЕРЗУИНДА (*вздрагивает при звуке голоса Эркамбальда, открывает глаза и смотрит на него широко раскрытыми глазами*). Опять!.. Ведь он... Чего еще ты хочешь?

ЭРКАМБАЛЬД (*не обращая внимания на Герзуинду*). Почему вернулся в Аахен так неожиданно король?

РОРИКО. Сегодня утром только велел он в путь собратся. Небо ведает, что он затеял.

ЭРКАМБАЛЬД. Спрячьте девушку, мать настоятельница. Король уж на пути сюда.

РОРИКО. Я так и знал, что донесут ему!

ЭРКАМБАЛЬД. Уведите ее, вам говорю я! Народ волнуется, и Карл в настроении дьявольском! Хотя и против короля теперь народ настроен, с тех пор как слишком горячие молодчики на воздухе болтаются, все ж в ненависти к этой потаскушке заодно они.

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА (*поднимая с кресла Герзуинду, которая продолжает глядеть с ужасом на Эркамбальда*). Обойми мне шею, Герзуинда, и держись покрепче. Грешат в своей заносчивости сильные – но есть у нас оплот в Спасителе! (*Она выносит Герзуинду на руках. Рорико ей помогает*)

ЭРКАМБАЛЬД (*оставшись наедине с настоятельницей*). И смерть сама, как видно, не хочет ее взять! Как твердо в милости у короля стоите вы, что ваша жалость таким путем идти дерзает. Я бы иначе с него поступил, хоть и больна она – как кошку утопил бы я ее!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (*глядя на Эркамбальда в упор*). Я знаю: ты бы это сделал. Но то, что сделал ты действительно – известно лишь тебе: я этого не знаю.

ЭРКАМБАЛЬД. Ну, так и говори о том, что знаешь!

(*Эркамбальд быстро удаляется, с другой стороны входит обычным медлительным шагом Алькуин*)

АЛЬКУИН. Кто это поспешно вышел? – канцлер Эркамбальд?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Благословен Господь, тебя пославший к нам! Скажи, отец, скорее дочери твоей, которую со всех сторон пугают... Скажи, ужели Карл так бедную заложницу возненавидел, что смерть грозит тому, кто сжалится над ней?

АЛЬКУИН. Так значит это правда? Вы приютили ее? Так знайте: Карл, смутному предчувствию послушный, ее здесь ищет. Не в гневе – нет – терзает его мука. Страшен Карл – не только врагам своим, но и себе. И страшен, дважды страшен, когда он любит!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Мне драгоценно слово каждое из уст твоих, отец. Но поспеши, прошу тебя, и многое еще скажи, чтоб знала я, как поступить, как встретить короля.

АЛЬКУИН. Предположи, что хочет ее он снова повидать. Предположи, что к ней он рвется дикою душой – наперекор всему, что говорит притворно. Вот чем ужасно его страданье... Будь эта девочка невинна, чиста и преданна – по опыту мы знаем, дочь моя, – случилось то же бы, что часто уж случалось: еще один сынок у короля – и больше ничего. А тут иное вышло. Чужой она ему осталась; не подчинил ее себе король. В то время, как страсть влекла его, как он томился от желаний – его удерживала гордость и непреклонным делала. Потом он оттолкнул ее – ее, которая с тех пор тем пагубнее воцарилась в его душе и вспыхнуло так долго сдержанное пламя, от гнева власти оскорбленной еще сильнее разгораясь, и все кругом загло... Хочу сказать я, что весь в огне король.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Так, значит, правда, что он болен?

АЛЬКУИН. И тяжело.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. А где же врач? Кто исцелить его?

АЛЬКУИН. Она – которую он ищет. Она – никто другой. Вот он идет сюда. Гремит уж в доме его голос.

(*Быстро появляется первая сестра, за ней вторая*)

ПЕРВАЯ СЕСТРА. Пойди к ней, помоги!..

ВТОРАЯ СЕСТРА. Король ступил в наш дом, мать настоятельница.

ПЕРВАЯ СЕСТРА. Герзуинда зовет тебя!

ВТОРАЯ СЕСТРА. Мать, спрашивает о тебе король.

ПЕРВАЯ СЕСТРА. Мать, Герзуинде тяжело... Умирает она!

ВТОРАЯ СЕСТРА. Что мне сказать, когда король о настоятельнице спросит?

ПЕРВАЯ СЕСТРА. Она должна сказать пред смертью тебе тайну, мать. Не может без исповеди умереть она.

НАСТОЯТЕЛЬЯИЦА. Что ж делать мне?

АЛЬКУИН. Твой путь начертан твердо. Иди, не озираясь, мать.

(Настоятельница идет на первой сестрой; несколько монахинь быстро вбегают и приводят все в порядок в комнате. Алькуин становится в выжидательной позе. Слышен громкий голос короля, который приближается со своей свитой, извне доходит гул толпы, которая собралась у дверей монастыря. Наконец входит Карл, с ним Рорико, Эркамбальд, несколько придворных и много мовахннь)

КАРЛ *(монахиням)*. Дарю вам поле за прачешной. Будет оно вашим, с одним условием, чтоб кроме овощей, салата и капусты, вы мальвы там и розмарин растили. *(Монахини выражают свою радость, некоторые целуют его руки)* А где же мать настоятельница?

ТРЕТЬЯ МОНАХИНЯ. Где же мать?

ЧЕТВЕРТАЯ МОНАХИНЯ. Разве не здесь она?

ПЯТАЯ МОНАХИНЯ. О, Боже, где она? Пойти ее искать! *(Большинство монахинь быстро убегают)*

КАРЛ. Тут, кажется, магистр Алькуин, мы с школьницами занимались? *(Обращаясь к одной монахине)* Сколько теперь воспитанниц у вас в монастыре? Когда в последний раз я сам их сосчитал, их было тридцать.

ШЕСТАЯ МОНАХИНЯ. Да и теперь их ровно тридцать, государь.

КАРЛ. И все ж одной недостает, дитя мое.

(Слышна в коридорах тревожная беготня. Монахини, стоящие на сцене, тихо шепчутся. Многие бледнеют и выходят. Вбегают две ученицы монастырской школы, с зажженными восковыми свечами и хотят пройти мимо. Карл их останавливает)

КАРЛ. Куда спешите вы с свечами? *(Оне с испугом отступают, идут дальше и исчезают за дверью)* Вот как! Мы, кажется, здесь лишние. Тут холодно и сыро. Дует. Закройте двери. Почему вы так бледны? Что происходит здесь?

АЛЬКУИН. За минуту пред тем, как ты вошел, мать настоятельница отозвали к постели умирающей.

КАРЛ. Не добрый знак, когда дорогу мне смерть переступает и входит первой! *(Прислушиваясь к шуму толпы; Что привело в смятенье рой пчелиный?)*

ЭРКАМБАЛЬД *(носпеино)*. Узнать ты должен все равно – так знай сейчас же: мост, который построил ты на Майне, создание дивное рабочих чужеземных – погиб. Унесло его течение. Об этом здесь с утра узнали.

КАРЛ. Довольно. Знаю. Споткнулся также мой конь и сбросил меня на землю сегодня у городских ворот. Что ж делать? Клонится к вечеру и самый длинный день.

АЛЬКУИН. И точно также за каждой ночью утро следует.

КАРЛ. Так будем терпеливо ждать *(озираясь)*. Ждать терпеливо, приходится, как видно, также здесь. Пойдите и посмотрите, что происходит. *(Эркамбальд, Рорико и остальные выходят исполнить приказ короля. Остается только Алькуин. Карл смотрит на него значительным взглядом и продолжает)* Вот мы в монастыре. Теперь могу сказать тебе, что привлекло меня сюда. Я сам не знал еще, когда об этом ты спрашивал меня: я видел сон. Здесь, на скамейке, сидела Герзуинда, смеясь и говоря... Но что – забыл. Нет, вспомнил: дословно я не помню, но все же вот что было: я первый с ней заговорил. – Что случилось с моим кольцом? спросил ее. Кольцо меня терзает ночь каждую – с тех пор, как охватило безумие меня. – ты знаешь ведь. Зачем взяла кольцо ты? я спросил. Она ответила: – Приди и посмотри.

АЛЬКУИН. Мне ж представляется, о, государь, что среди тучи мы стоим, таящей сокрытую еще судьбу. Пошли, Господи, нам силы с достоинством не нести! (*Входит настоящельница, плача*)

КАРЛ (*идя ей навстречу*). Странно мне сегодня, о, мать почтенная, в стенах монастыря: так чуждо необычно и даже жутко – хотя при мне мой меч. Мне кажется, как будто я – лишь дух мой, сюда явившийся, в то время, как другой король здесь правит. Но жив я; ты узнаешь меня?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА (*целует край его одежды и плачет*). Храни, Господь, главу помазанника Твоего!

КАРЛ. Опять в слезах? Сегодня, как тогда, когда в последний раз мы виделись в дворце. Оставь меня наедине с почтенной матерью.

(*Алькуин выходит. От двери отскакивают бледные монахи, подслушивавшие у дверей*)

КАРЛ. От ложа смерти ты пришла. Что ж! Кто умер, – счета тот покончил с жизнью. А над живыми тяготее проклятье Божье за прародительницу нашу Еву. Все еще она порой нас навещает. Дабы не прекратилась мука нашей жизни – она приносит снова яблоко и снова грех вносит в мир. Как давно не виделись мы?

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Слишком долго и для слуги твоей и для твоих питомцев в стенах монастыря. Они сиротами становятся без своего отца.

КАРЛ. Отец? Питомцы? Уж если, женщины, отец вам нужен – ищите его на небе. К отцу земному не обращайтесь. Не отрицай – твоя печаль тебя в неправде обличит: язычник Беннит, тогда лишенный всех земель, теперь опять владеет своим поместьем в Саксонии и снова приобретенной властью он гордится. Но если в споре он победу одержал, то все же, мать, тебя вторая Беннита победа более печалит. Горько, что отнял душу детскую он у тебя и у Христа.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Бичем Господним стала заложница для всех нас...

КАРЛ. Хорошо!.. Пусть станет она бичем для всех. Будь я действительно отец, я б день и ночь, как ты, скорбел о том, что Герзуинда мы здесь, на попечении твоём благочестивом, а далеко, у очага язычника живет вонючего. Я исповедаться хочу тебе, мать настоятельница. Мать... я... сюда пришел... воспитанницей она была твоей. Ну, словом: Герзуинда... О том, что было с ней, конечно, знаешь ты; все проникает чрез стены моего палатината. Так вот весь мир клянет ее. С глаз моих я грешницу прогнал. И вот теперь раскаяньем терзаюсь горьким. Не думай, мать, что разума лишился я. Христофор, младенца Иисуса на берег пронося чрез поток бурливый, когда б на волю течения бурного отдал святую ношу – как горько раскаялся бы он! Поверь мне, мать, страсть дикая и буря сладострастия – не похоть в ней распутницы, а иго сатаны и мрачное служенье тьме. Я часто видел, как её касался дух, покоривший тело нежное себе, как к исступленью страсти страшному ее он принуждал в служении ему. Когда же я рукой дотрагивался до неё – то мукой искажались черты лица, застывшего в бесчувствии, в то время, как извивалось беспомощное тело. Ну, словом: невинна ли она или нет – но соблазнила маской святости она меня – сиянием невинности. Если это обман, то помоги мне, мать, сияние разрушить, не то я божеством ее признаю франков. Разбей святыню, из которой кротко улыбается она!

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. О, государь, решение мудрое Господяе, которому вдвойне я покоряюсь, от вины тебя уберегло.

КАРЛ. Мать, она влечет меня к себе! Я пленник, я свободу потерял. Чем привязала она меня к себе, когда ее я выгнал – чарами какими? Кольцом ли, что, быть может, она украла у меня? Я не могу постигнуть, отгадать. Помогите решить загадку! Пойди, найди ее; хочу узнать, кто душу в ней убил – когда ты скажешь, что она мертва; хочу не дать ей умереть – когда ты скажешь, что она жива! И если мне скажешь: ты погубил ее, не зная, что она живая, – то сыновей я соберу и королевских слуг моих, им волю объявлю последнюю и в монастырь уйду.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. К дяде своему в Саксонию не возвращалась Герзуинда. Здесь она была и здесь приют нашла – как ей ты обещал через меня. Но вторично теперь она ушла, ушла – и больше не вернется. Когда через порог ступил ты к нам в обитель – она незримо пролетела, тебя минуя; в ту самую минуту умерла она. Стремительно с подушки голову подняв и голосом, от звуков которого застыли все, она назвала короля и умерла.

(Карл стоит без слов, точно окаменев в то время как гул народа у ворот усиливается. В глубине сцены собираются дети с зажженными свечами в руках, очевидно чего-то ожидая)

КАРЛ *(беззвучным шепотом)*. Магистр Алькуин!

АЛЬКУИН. Что, король Карл?

КАРЛ *(как прежде)*. Магистр Алькуин!

АЛЬКУИН. Что прикажешь?

КАРЛ. Что это, искры пред глазами? Нет, свечи... свечи близятся ко мне.

(Карл остановившимся взглядом смотрит на свечи в глубине сцены. Теперь видно, что дети образуют начало шествия, которое медленно приближается к аван-сцене)

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА. Король и милостивый паладин – шаги и взоры отврати от этого деянья серой смерти!

(Шествие направляется в глубине сцены справа налево и показываются носилки, которые несут монахини. Герзуинда лежит на них мертвая, лицо её закрыто)

КАРЛ. Молчи! Тут мертвая? Ты знаешь, кто она?

СЕСТРА УПРАВИТЕЛЬНИЦА. Она скончалась, с Богом примиренная – я приняла её последний вздох.

КАРЛ. Ты приняла её последний вздох? Чей? Кто та, которая скончалась? Открой лицо? Умерла по чьей вине она? Чего беснуется толпа перед воротами? Пусти меня. *(Он твердо подходит к носилкам и сам поднимает покрывало с лица Герцуинды)* Ты это? Герзуинда? Откуда ты? *(Король выпрямляется, но его охватывает дрожь. Кажется, точно качается башня во время землетрясения. Он опускается, потом снова сейчас же выпрямляется, ищет опоры. Его поддерживают Рорико и Алькуин. Потом он снова слабеет, затем поднимается, отстраняет от себя Рорико и Алькуина и смотрит на мертвую)* Я опоздал!.. Как странно!.. Вы все поражены, что я спокоен. А странно то, что скорбь мне душу успокоила и вместе с тем мне показала целый мир утрат. Рука тепла... Не правда ль, соскользнул платочек розовый вот... вот отсюда и упал, как будто опустился к её ногам. Когда ж вы стали искать – его не стало. Так убегает жизнь. Я часто это видел и потому... *(Он устремляет страшный пронизывающий взгляд на Эркамбальда)* Я знаю: ты доволен, Эркамбальд. Да, вы довольны – но не я. То, что здесь свершено – убийство. Приблизься, Эркамбальд: убийство это. Тише! Она как будто сейчас заговорит. Грудь поднялась слегка. Ближе, подойдите ближе, говорю я! Убийство! Подойдите, чтоб видеть вас она могла и обличить убийц. Рико! У всех дверей расставить стражу. Двери все закрыть. В монастыре здесь убивают.

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА *(бросаясь к его ногам)*. Быть может, государь, свершилось здесь убийство. Но если – свидетель всеведущий Господь! – преступление свершено и бедное дитя руки – не знаю чьей – злодейской жертва, то подымаю для клятвы обе руки: настигни нас проклятье вечное! Да будут души всех нас лишены спасенья, если хоть зернышко вины здесь нашей: не потревожили ей волоска в стенах монастыря.

КАРЛ. Не я виновен в этом. То, что здесь видишь, Рико, – убийство гнусное. Поставьте стражу ко всем дверям. Кровь за кровь! Убийство это. Вот эта мертвая укажет путь нам. Веди нас, Герзуинда, и за тобою мы пойдем – хотя пришлось бы вступить в семью моих родных. В нее войдем, и на кого укажешь мертвым пальцем, того возьмем. Хотя бы это был мой сын, потребую я кровь за кровь!

ЭРКАМБАЛЬД. Вот, государь, возьми мою – пустите меня! – возьми спокойно. Немного, правда, во мне осталось крови, но капля каждая была твоей – пролитая и непролитая – с тех

пор как я живу. Но прежде чем склоню я шею – склоню охотно под топором на плахе – позволь еще один раз поднять ее высоко. Не просветлен теперь, как было прежде, ты разумом Господним. Тебя окутал сон. Закрты уши и глаза; ты ничего не видишь и не слышишь. Не слышишь, как толпа бушует? Отчаянье и ужас в их криках бешеных звучит! Слышишь – удары кулаками. Крик раздается: – Волосы распутница обрезала ему! Все думают, что дьяволица кровь твою сосет в монастыре – в то время как распадается тобою созданное царство. Вот что волнует их. Идет молва к тому же, что высадился датчанин Годофрид в Фрисландии на двух стах судах, что он напал на наши поселенья, снес замки укрепленные, а гарнизон с собой увез иль перерезал. Такой удар неслыхан. Непонятен привыкшему к победам народу франков. Беснуются они и ножницами потрясают – не сомневаясь, что жрецы саксонские тебя заколдовали – как обессилили Самсона филистимляне – послав к нему Далилу; силу его похитила она, обрезав волосы ему *(Во время всей речи Эркамбальда, Карл не сводит взора с Герзуинды. Все более и более привлекаемый ею, он приближается к мертвой, забывает все вокруг себя и только когда Эркамбальд кончает, он приходит в себя от наступающей тишины; тихим глубокиим голосом:)* Рико! Рико!

РОРИКО. Что, государь?

КАРЛ. Идите. А ты останься. – И ты – и ты. *(Он указал на Настоятельницу и на Алькуина. Эркамбальд и остальные, также и дети, поспешно уходят. Король медленно подходит к носилкам)* Мать, сатана был прежде ангелом Господним, неправда ли? Хотел од стать как Бог, но пал он и Господь его отринул. О, страшное паденье в бездну сияющих небесных сонмищ – детей небесных, которых создали из чистого сиянья, но не насытили!.. Их крик – крик о любви – пронесся по небу: На помощь, сатана! Хотим мы быть как Бог. Видите упрямство на чертах лица её? Разбилась власть Господня об ангела, Им созданного – не только человеческая и моя. Теперь она нема. Во сне я видел в сияньи тело её нежное. То, что я строго от неё скрывал, я вам открою. Любил я Герзуинду! Господь пространство наполняет именем Своим: она молчит, безмолвна, и на звуки отклика тут нет. Скажите то, чего не знаю: почему мир раскололся и трещина прошла чрез сердце мне? Она теперь перед судьей своим стоит. Что скажет он? что может молчанью гордому противопоставить? Спросит ли ее: где, где мое кольцо? А если будет молчать она в ответ, то снова умертвит ее? Чтоб десять раз упрямо воскресала она для нового горенья и мучений старых. Мученье – вот для чего она жила! Гордость и страданье. Такая жизнь и моя. Прощай! Быть может, ты лишь искра пламени из ада – так каково же море пламени, откуда ты явилась? Не мудрено, что духи праведные на пагубу себе туда стремятся – обжигая грудь. Теперь я ваш. Спит Герзуинда – но пробудить ее нельзя, и потому есть время у меня для вас и датчан и Годофрида.

КРИКИ ТОЛПЫ. Волосы ему обрезала она! Волосы распутница ему обрезала!

РОРИКО. Если прикажешь, государь, я с конницей толпу отброшу.

(Эркамбальд поспешно вбегает)

ЭРКАМБАЛЬД. Ворвалась чернь в дом! С ней справиться нельзя. Если не выйдешь к ним и не покажешь им себя – быть может, скоро уж поздно будет.

КАРЛ. Ну, хорошо, пока не слишком поздно. Ремесленник, вернись к работе! Не взыщите, что пренебрег своим я долгом – его я знаю. Я знаю, что слуга я моих вассалов. Не осудите. Пожалейте – никому не говорите – теперь вдвойне я буду пот проливать. Наденьте мне железное ярмо – и вот увидите: бессилен будет бык передо мной. Вот так: возьмите, унесите ее. Я еще учиться должен тому, чему она меня учила. Не говорите, что учусь я у детей еще. и слышите? Скажите им: не знает король наш Карл, что значит ошибаться. Скажите, что тверд он как алмаз и никогда не плачет. Вы видите того, кто взором провожает мертвую. Толпа его не видит и не знает. Не выдайте его – пусть он исчезнет. Чего народ не знает – того не будет недоставать ему. Останется ему старик, и тот... старик стремится скорей попасть на поле брани – туда, где туч смятенье над головой, смятенье и воинство вокруг него наполнит мир. На боевого

сесть коня не терпится ему – и ночью спать под свист в палатке. Старый воин остался им – остался король Карл. Он жаждет бури, как воды олень. Всю жизнь дышалось ему легко лишь в битвах, под звон оружия. Войну провозглашает он и сильных бой мужей.

(Он вошел в открытую галерею и показывает кричащей толпе свой меч. На минуту наступает мертвая тишина, потом толпа раздражается кликами бесконечного восторга).

КРИКИ ТОЛПЫ. Слава Карлу! Проклятье врагам его! Война! Он поднял меч. Слава ему! Он поднял меч!

Занавес.